Виктор Алеветдинов

Седьмая опочивальня для злодея

Книга 1

Трилогия

Седьмая опочивальня для злодея

Романтическое фэнтези

Виктор Алеветдинов

Седьмая опочивальня для злодея

«Автор»
2026

Алеветдинов В.

Седьмая опочивальня для злодея / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Я пришла прочитать карту на теле злодея. К вечеру нам выделили общие покои. С двумя кроватями — об этом пришлось договариваться отдельно.Мирон Вереск обвинён в убийстве царского наследника и славится тем, что похищает невест. Мне поручили найти по его живой карте Седьмую опочивальню до царской помолвки. Выполню работу — получу повышение и наконец-то тихую комнату.Вместо этого пришлось спасать пленника от нападения. На запястье осталась магическая связь: далеко отойти друг от друга теперь опасно. А он с первой встречи знает, какое вино нельзя пить и что скрывается за моей любимой оговоркой.Вокруг делят власть, готовят браки и следят, чтобы сновидица подписывала нужные заключения. Подозревать следовало бы Мирона. Только он почему-то требует, чтобы меня не запирали рядом с ним.Довериться ему — значит поставить на кон имя и жизнь. Но если удастся разорвать связь, захочу ли я уйти?

© Алеветдинов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Верное заключение 5
Глава 2. Пленник, который помнит 11
Глава 3. Две кровати и ширма 18
Глава 4. Шёлковый проезд 25
Глава 5. Подпись под чужой свадьбой 32
Глава 6. Непослушный локоть 39
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Виктор Алеветдинов
Седьмая опочивальня для злодея

Глава 1. Верное заключение

Аглая

Скрежет за дверью начался, когда удалось устроиться на прохладной стороне подушки. Сначала ещё надеялась, что это ненадолго: поставят стул, передвинут сундук и оставят меня в покое. Но по стене за изголовьем протащили что-то длинное, послышалось сердитое шептание, и пришлось сесть. Пока собирала волосы, за дверью решили повернуть кресло. Судя по грохоту, неудачно.

Я открыла дверь и едва не уткнулась в кресло. Двое лакеев замерли, удерживая его над полом. Младший торопливо объяснил, что внизу готовят зал к приёму, а лишнюю мебель велено вынести сюда. До вечера. Вчера до вечера здесь стоял сундук, из-за которого пришлось выходить боком.

Попросила оставить проход к моей комнате. Кресло отнесли на несколько шагов дальше, к окну. Теперь перелезать через него предстояло всем. Захотелось уточнить распоряжение, но лакеи уже спускались за следующим креслом.

Умывальная вода за ночь остыла. Умылась и посмотрела в зеркало. На виске отпечатался шов наволочки; лента удерживала половину волос. К назначенной проверке следовало привести в порядок и себя, и выражение лица.

Лада постучала, когда возилась со второй шпилькой. Вошла с подносом, оглядела постель и без расспросов подвинула к столу свободный стул. Под салфеткой обнаружились тёплая булочка и масло. Чай пах смородиновым листом.

Она успела позавтракать, что не помешало ей отломить кусочек булочки. Подвинула блюдце ко мне и спросила, опять ли мешала мебель. На предложение поменяться комнатами Лада ответила отказом: ей, оказывается, требовалось высыпаться.

— А сновидице это ни к чему, — заметила, глядя на её чашку.

Лада улыбнулась и налила ещё чаю. По её мнению, старшие покои уже можно было считать моими. Немиров передал рекомендацию, свободное место никому не отдали. Оставалось дождаться решения и не повздорить с ним из-за какого-нибудь невинного уточнения.

Со вчерашнего вечера старалась думать о должности спокойно. Старшим давали спальню, отдельное место для работы и право закрыть дверь после приёма. В мою комнату бумаги приносили даже ночью: она находилась по дороге, а свет под дверью служил приглашением.

Лада заметила на столе дело сегодняшней пары. Супруги намеревались закрепить родовую связь после двенадцати лет брака. Подруга раскрыла обложку, прочла строчку о раздельных спальнях и спросила, придётся ли им теперь объяснять, почему хочется спать без свидетеля.

Защищать собственные бланки за завтраком не хотелось. Ответила, что для проверки это полезная подробность: иногда люди расходятся по комнатам из-за страха, иногда из-за храпа. Во втором случае отдельная спальня могла спасти больше браков, чем наша Палата.

Лада уверяла, что любящие люди должны попробовать привыкнуть друг к другу. В ответ напомнила ей о родственнице: делиться комнатой подруга отказалась, потому что та читала по ночам. Лада признала, что любви к родственнице от этого не убавилось.

Пока доедала, она сняла со стула моё рабочее платье. При застёгивании знакомый крючок опять захватил прядь у затылка. Попыталась высвободиться и получила приказ стоять спо-

койно. Лада осторожно разобрала волосы, поджала застёжку ногтем и попросила наконец отнести платье швее. Обещание дала, глядя на оставшееся масло. Его хотелось доесть, а руки были заняты воротом.

Подруга сама намазала остаток булочки и подала мне. От её пальцев пахло чаем. Несколько мгновений можно было просто жевать, пока близкий человек поправляет плечевой шов и сердится на моё упрямство. Потом из коридора снова донёсся грохот, и мы обе посмотрели на дверь.

Ладе предстояло разбирать допуски гостей к помолвке царевны Елены. До неё оставалось меньше четырёх недель, комнаты уже распределили дважды, а приезжающие продолжали требовать лучшие. Подруга забрала пустой поднос. У лестницы нам пришлось обогнуть кресло: теперь на нём лежали ещё и свёрнутые портьеры.

За следующим поворотом начиналась охраняемая часть дворца. Возле дверей государева крыла стояли двое стражников. Из лекарского покоя вынесли таз с водой; пахнуло горькими травами. Лада понизила голос. Государь снова провёл ночь под защитными обрядами, поэтому утренние проходы открывали с задержкой.

Задержали и почту. У стола для писем лежала связка конвертов; среди них сразу нашёлся материнский почерк. Посыльный развёл руками: после осмотра разнесут. Мать наверняка спрашивала о повышении. В последнем письме уже успела описать ей новую комнату, хотя ключа ещё не существовало.

Попросила принести письмо в Палату и догнала Ладу. Та пожелала удачной проверки, поправила у меня выбившийся локон и свернула к гостевому крылу. Несколько шагов шла с приподнятым подбородком, стараясь не растрепать причёску. Возле дверей Палаты всё-таки проверила ворот сама.

Нина приготовила кресла, столик и мой стул у окна. На салфетке лежали два камня, подальше от края — измерительная пластина. Заметив мой взгляд на задвижке, помощница сообщила, что петлю смазали. Теперь створку можно было открыть одной рукой, не прерывая чтения.

Камень холодил пальцы. Нравилась эта готовность комнаты: каждая вещь находилась на месте, и никто не намеревался передвигать её до вечера. Нина проверила пластину. Можно было приглашать.

Супруги вошли вместе. Обоим было за сорок; муж придержал дверь, жена благодарно коснулась его рукава. На её перчатке разошёлся боковой шов. Сняв перчатки, она положила повреждённую вниз, словно в Палате могли оценивать и это.

По бумагам предстояло проверить новый родовой обряд. Муж получал право проводить родственников в защищённое крыло её дома. Из-за пограничного спора им пришлось оставить своё жильё; на постоялом дворе ждали несколько семей и двое мальчиков, его племянники. Женщина уточнила возраст младшего. Муж повернулся к ней и слабо улыбнулся: она помнила лучше.

У мужчины покраснели веки, жена крутила обручальное кольцо. Объяснила, что короткий сон покажет, как соединяется их сила. Обещать счастливую жизнь после двенадцати лет брака не собиралась. Муж впервые усмехнулся.

Женщина спросила, придётся ли ночевать рядом. Узнав, что отдельные постели останутся их делом, расслабилась. Захотелось сообщить об этом Ладе, но уже нужно было выбирать место для сна.

Супруги остановились на садовой дорожке у старого дома. Он вспомнил мосток через пруд, она поправила: мосток давно разобрали. Предложила взять нынешний сад, который оба видели недавно. Здесь стоило договориться заранее, иначе половина пробы ушла бы на выяснение, почему один стоит на берегу, а другой посреди воды.

Нина подвинула столик к креслам. Супруги положили ладони на камни; их руки оставались у меня на виду. Попросила их закрыть глаза и дать дыханию успокоиться. Муж ещё устраивался в кресле, жена уже замерла. Коснулась его запястья, дождалась, пока перестанет сжиматься кисть, и направила силу в опоры.

Третьей ступени хватало для такого чтения: через камни различала, чья сила удерживает общий образ и где встречает помеху. Сидела на своём стуле, слышала Нинино перо и чувствовала, как согревается камень под женской ладонью.

Первое соединение прошло легко. Мужской поток уступил место второму, и на пластине появилась плавная дуга. Под пальцами отозвалась прохлада воды, за ней — тёплое дерево. Видимо, мосток всё-таки вернулся в его воспоминание. Женщина приняла образ. Оба умели договариваться лучше многих молодых пар.

Уже подводила нить к выходу, когда возле её запястья возникло второе стягивание. Дополнительный узел выглядел знакомо: подобные ставили, чтобы принимать лишнюю нагрузку при соединении. Но сила, прошедшая через него, не вернулась к супругам. Камень продолжал греться, а женские пальцы холодели.

Подняла взгляд. Её лицо оставалось спокойным, только плечи медленно поползли вверх. Сила уходила за пределы доступного чтению участка. Куда именно, пока понять не удавалось.

Закончила пробу раньше условленного времени. Мужчина отозвался на имя сразу. Женщина ещё несколько мгновений сидела с закрытыми глазами, и пришлось придержать её руку, пока размыкала соединение. Открыв глаза, пациентка сначала посмотрела на мужа. Он спросил, хорошо ли ей. Она кивнула.

Нина подала воду. Чашка стукнула о блюдце, хотя пациентка взялась за неё двумя руками. На вопрос о слабости ответила, что в саду было спокойно. Муж согласно кивнул, уже ожидая хорошей новости.

Попросила Нину оставить запись открытой. Пока супруги отдыхали, сверилась с пластиной: расход сохранялся после того, как образ уже сложился. Одной пробы не хватало, чтобы задержать обряд. Отпустить пару без повторной тоже не хотелось.

Через четверть часа её пальцы потеплели. Предложила проверить короткий момент у воды: остановиться и дождаться мужа. Она согласилась, взглянув на дверь. Секретарь покровительницы обещал зайти за заключением.

Во второй раз следила за добавленным узлом. Муж приблизился к жене, и её сила потянулась через соединение, словно за общим садом открыли ещё один выход. Попыталась проследить направление — под ногтями закололо. Дальше начиналась чужая родовая работа. Вскрывать её с уставшей женщиной в кресле права и умения не хватало.

Разомкнула сон. Пациентка очнулась бледной и попросила воздуха. Муж вскочил к окну, дёрнул задвижку не в ту сторону. Нина помогла ему, а его самого отправила за шалью: она осталась в передней. Когда дверь закрылась, присела перед женщиной и спросила, бывает ли так после домашних проб.

Та помолчала, разглядывая красные следы ногтей на ладони. Потом призналась, что прошлый раз пришлось лечь до вечера. Думала, не выспалась. Дома все последние дни собирали вещи для приезжающих, было недосуг разбираться.

Муж вернулся с шалью вместе с секретарём Иларии Павловны. Тот извинился за вмешательство и сразу спросил, можно ли продолжать подготовку. Пациентка потянулась к мужниной руке; пришлось подождать, пока он укроет её плечи и уберёт прядь из-под воротника.

Предложила пригласить мастера, наложившего узел, затем повторить проверку. Секретарь уточнил, обнаружена ли несовместимость супругов. Услышав, что нет, заговорил свободнее; отвечать ему стало труднее.

Он напомнил, что соглашение готовили при участии Иларии. Подводы уже наняли, семьи ожидали разрешения. Если подготовку остановят, кто-нибудь должен будет объяснить людям,

почему приходится ещё платить за постоялый двор. Произнеся это, посмотрел на женщину. Она затянула шаль на груди.

Основание для приостановки имелось. Представила, как Немиров читает заключение, зовёт секретаря, затем меня. После слова «необоснованно» у него обычно долго приходилось оправдываться. Рекомендация лежала у Иларии с его подписью.

Муж спросил, нельзя ли закончить обряд под наблюдением. Вопрос позволял выбрать аккуратную формулировку. Вывела её прежде, чем опять посмотрела на женские руки: «Дополнительный узел требует наблюдения при следующем совместном сне». Подготовку это не останавливало.

— А я могу отказаться? — спросила женщина.

Перо ещё оставалось между пальцами. Стоило поднять глаза и ответить ей самой, но рядом ждал секретарь, а муж перестал поправлять шаль. Заговорила о заявлении до закрепления обряда, пересмотре условий и представителях обеих сторон. Пациентка дослушала и спросила, успеют ли рассмотреть заявление. Срок зависел от участников соглашения.

Она посмотрела на секретаря. Тот доставал расписание. Назначила следующий приём и почувствовала стыдное облегчение: с узлом можно будет разобраться позже. Женщина спрятала руки под шаль и позволила мужу помочь ей встать.

За супругами закрылась дверь, и комната сразу стала казаться просторнее. На подоконнике осталась перчатка с разошедшимся швом. Нина догнала женщину в передней; через приоткрытую дверь донеслась благодарность, затем шаги медленно удалились. Секретарь забрал предварительную запись и ушёл раньше них.

Собрала камни в лоток. На одном ещё держалось тепло чужой ладони. После осмотра обычно нравилось дать комнате проветриться, дописать наблюдения и несколько минут посидеть без посетителей. Сейчас подошла к окну и закрыла его: из двора слышались приготовления к приёму, а хотелось услышать, что скажет Нина.

Нина переносила на отдельный лист обе дуги, придерживая линейку мизинцем. Работала старательно. Сегодня её медлительность раздражала, хотя торопиться было некуда.

Наконец она спросила, оставить ли оба измерения при заключении. Слово «оба» произнесла отчётливо. В итоговой строке говорилось о следующем сне, а здесь уже лежали два подтверждения того, что женщине стало плохо.

Ответила, что исходный лист остаётся при деле. Нина кивнула и продолжила нумерацию. Спросить прямо, считает ли она заключение неверным, не решилась. Пришлось самой придвинуть пластину и проверить отметки ещё раз. Расход был тот же.

— Надо было остановить подготовку? — спросила она, не поднимая головы.

Едва сдержала готовое «не вам решать». Нина действительно не принимала заключений. Зато сидела рядом, видела холодные руки пациентки и теперь честно задавала вопрос. Объяснила, что причины расхода пока неизвестны, а при повторной проверке будет мастер. Прозвучало так, словно он уже согласился прийти.

Помощница уточнила, записывать ли эту необходимость в назначении. Вписала сама: «С участием мастера, наложившего узел». Ненадолго полегчало: Нина перевернула лист, и оказалось, сколько места занимало моё осторожное объяснение рядом с двумя простыми рисунками.

Немиров пришёл за готовым заключением. Аркадий Львович любил забирать бумаги лично, если ими интересовались наверху. По дороге успел узнать у секретаря, что подготовка продолжается, и теперь благодарил за выдержку. В сложных родовых делах, заметил он, особенно важно видеть положение целиком.

Его похвала подействовала прежде, чем удалось от неё отгородиться. Утро начиналось недосыпом, потом женщина побледнела в кресле, Нина спросила о приостановке, и всё это время хотелось, чтобы более опытный человек подтвердил: решение допустимо. Немиров стоял у стола, довольный работой Палаты. Легко было принять его уверенность за ответ.

Он прочёл строку о дополнительном узле, задержал палец на слове «наблюдения» и предложил яснее выразить положительный итог. Совместимость установлена, подготовка разрешена. Приписка о наблюдении могла остаться в назначении.

В такой редакции заключение выглядело бы лучше. Особенно перед помолвкой, когда у каждого дела находился собственный покровитель. Взяла перо, но взгляд зацепился за красный след на салфетке: пациентка сжала ладонь возле камня, и Нина ещё не успела заменить ткань.

Сказала, что менять формулировку не стану. Узел требует проверки, это нужно видеть сразу. Немиров посмотрел внимательнее. Пришлось повторить уже без пояснений.

Он не настаивал. Протянул итоговую форму: чтение завершено, подготовку можно продолжить при соблюдении рекомендаций Палаты. Сама только что записала эти рекомендации. Отодвинуть форму означало опять начать разговор, который удалось закончить.

Подписала. Перо скользнуло по знакомому месту; за годы службы движение стало почти привычкой руки. Немиров подождал, пока подсохнут чернила. Уходя, напомнил о рекомендации на должность старшей и добавил, что Илария Павловна желает видеть меня сегодня.

Пока он говорил о назначении, взгляд уже искал в комнате рабочую сумку. Нужно было взять записи, привести в порядок волосы, проверить, не испачкана ли манжета. Только после его ухода обнаружила, что итоговый лист он унёс, а сомнения остались на столе возле Нины.

Попросила помощницу сделать копию заключения вместе с назначением. Она подняла глаза. Объяснила, что на следующем приёме хочу видеть собственную формулировку, а не восстанавливать её по чужому пересказу. Это прозвучало придирчиво, но вполне по-служебному. Нина сняла копию, не предлагая ничего исправить.

Пока ждала, убрала вчерашние дела. На верхней обложке виднелось имя Дарьи Ветлиной. Строчкой ниже — моё заключение о готовности к брачному обряду. Вспомнился тесный воротник девушки и то, как долго она снимала перчатки. Тогда приём закончился вовремя, измерения уложились в допустимое. Перелистнула дело, но читать сейчас не стала. Положила его в стопку аккуратнее остальных.

Нина протянула копию. Исходные измерения она оставила у себя, в папке с приложениями: до повторной проверки нужно было сохранить оба рисунка. Мой лист был лёгким, но в сумку целиком не помещался. Пришлось сложить вдвое. В сгиб попало слово «наблюдения».

Вымыла руки, смывая каменную пыль и чернила. Пальцы перестало покалывать. В зеркале была обычная сновидица, которую позвали к покровительнице после удачного приёма. Проверила ворот и позвала Нину идти со мной.

В приёмной Иларии Павловны меня прежде оставляли ждать. Сегодня секретарь поднялся сразу. От такого приёма расправились плечи: к моему приходу в занятой комнате заранее освободили место.

Илария сидела над схемой размещения гостей. На ней передвигали маленькие карточки с родовыми знаками; возле одного стола они теснились в три ряда. Покровительница пригласила сесть и спросила об утренней паре. Рассказала о расходе, двух пробах и назначенном мастере. Она уточнила, удалось ли продолжить подготовку, выслушала ответ и отодвинула схему.

Немиров рекомендовал меня на место старшей сновидицы. Илария считала выбор своевременным: перед помолвкой Елены требовался человек, способный работать самостоятельно. Оставалось выполнить поручение, с которым нежелательно обращаться в школу Алой Нити.

Согласие уже было на языке. Но она заговорила о новых покоях, и сосредоточиться стало труднее. Отдельная спальня, рабочая комната, окна в сад. Чтобы узнать последнее, всё-таки пришлось спросить вслух. Илария ответила с едва заметной улыбкой. Похоже, вопрос оказался ожидаемым.

В этих комнатах можно будет принимать мать, наливать ей чай у настоящего окна. Вспомнив задержанное письмо, поправила сумку и спросила о работе.

— Во дворце содержат Мирона Вереска, — сказала Илария.

За дверью секретарь продолжал негромко беседовать с посетителем. Повернулась на этот звук, будто в приёмной могли услышать имя и возразить. Погубителя свадеб представляла в дороге, в разорённом доме, где угодно, только не в соседней части дворца.

О нём рассказывали охотно. Невесты исчезали из свадебных экипажей, Палате доставались разгневанные родственники. Шесть лет назад под обрушенной им галереей погибли стражники. Вереска обвиняли и в убийстве царского наследника.

Уточнила, зачем ему сновидица третьей ступени. Илария ответила, что удержание обеспечено и боевого мастера от меня не ждут. На теле пленника находится живая карта: старую семейную разметку можно прочесть через сон. Она показывает проходы, которые обычному зрению недоступны.

— Охрана у меня есть, Аглая Сергеевна. Нужно ваше умение.

От этих слов стало теплее. Годы учёбы вдруг получили вес в разговоре с женщиной, которая решала, кому сегодня позволено войти во дворец.

Карта должна была привести к Седьмой опочивальне. О потерянном наследстве Вересков слышала ещё ученицей: комната, хранилище семейного мастерства, разные рассказы о входе. Найти её требовалось до помолвки Елены, меньше чем за месяц.

Илария достала из футляра рисунок венца. По старому преданию, в опочивальне мог сохраниться Венец согласия. С его помощью удалось бы восстановить разорённый дом и закончить вражду родов без войны. На рисунке виднелись обруч, несколько вставок и подпись незнакомой руки. Покровительница держала лист за край.

На вопрос о будущем владельце находки Илария ответила, что решит государь. Вереску нужно вернуть имя, двору — провести помолвку без распри. Как соединятся эти желания, спросить не успела: рисунок уже убрали.

Школа Алой Нити требовала передать пленника и карту под её надзор. Мастер Ло предлагал собственное чтение; Илария не собиралась давать гостю ещё один повод распоряжаться во дворце. На схеме карточка с алым знаком стояла у самого центра стола.

Нина спросила, предполагается ли разбирать всю карту. Помощница сидела прямо, обеими ладонями удерживая папку. Ответить должна была сама: доступные участки, по очереди, без глубокого вмешательства в родовую разметку. Илария согласилась. Ей требовалась верная дорога.

Согласен ли пленник на чтение, оставалось узнать самой. Илария предложила начать с разговора: возможность восстановить дом должна его заинтересовать. Представила, как стану объяснять ему, что обещать от имени государя не могу.

В поручении требовалось регулярно подтверждать безопасность поискового сна. Нина спросила, будет ли подпись относиться к действиям, которых мы не видели. Илария перечислила: за охрану отвечает караул, за здоровье лекарь, за чтение сновидица. Заключение подавать после каждого сна.

Перечитала строку. Стоило вписать предел доступного участка. Но о возможностях уже сказала, Илария согласилась, а Нина ждала, решусь ли уточнять. Захотелось остаться с покровительницей без помощницы.

Подписала поручение. Справлюсь с первым чтением — появится предметный разговор; прежде следовало увидеть карту. С этой мыслью приняла ключ.

Металл оказался тяжёлым и тёплым от Илариной ладони. Приступить нужно сегодня, первый результат она ждала к вечеру. Поблагодарила, поднялась и только у двери вспомнила, что так и не уточнила жалованье.

Попросила Нину приготовить ящик и ждать у Палаты после полуденного звонка. Пока оставалось время поесть, услышать стук ложек и перестать держать пальцы на ключе сквозь ткань сумки. Материнское письмо уже унесли со стола в коридоре. Прочитать можно будет вечером, когда закончу с пленником.

Глава 2. Пленник, который помнит

Аглая

После обеда Нина ждала у Палаты с измерительным ящиком. На крышке лежала тетрадь, раскрытая на чистой странице. В столовой удалось поесть и даже перестать представлять, как пленник отказывается со мной разговаривать. Теперь вид пустой страницы снова заставил вспомнить о вечернем докладе.

Достала ключ, зацепив кольцом утреннее заключение. Нина отвернулась, давая поправить бумаги. Об утренней паре мы больше не говорили. Хотелось поскорее получить другую работу, в которой смогу ответить уверенно.

У последней двери перехода нам преградила путь металлическая рука. Печатный страж протянул ладонь. Положила ключ. Тяжёлая голова наклонилась к нему, и захотелось отдёрнуть руку. На груди засветились знаки. Ключ вернулся на мою ладонь. Проверив допуск, он отступил до полосы на полу и замер. Край тяжёлой ладони остался над Нининым ящиком.

Помощница показала медный штырь под его локтем. У Палаты такой же страж недавно перестал узнавать караульных: с двери сорвали метку. Если повторится, нужно вынуть штырь, тогда руку можно будет отвести. Страж не разбирал, кого пропускает, только сверял знаки. Пригляделась к штырю и обошла металлические пальцы подальше.

Живой караульный сидел рядом с журналом. Пока расписывалась, заметила под стеклом узкой кассеты короткий прямой клинок. Потёртая рукоять, никаких украшений. Оружие Вереска. От полоски сургуча, отделявшей его от моей руки, почему-то стало спокойнее.

Ключ пришлось поворачивать двумя руками. Ещё не успела постучать, а из комнаты уже предложили входить. Караульный остался у раскрытой двери.

Мирон сидел возле окна. Решётчатая тень пересекала лицо; он повернул голову, и оказалось, что представляла его старше. В рассказах о царском наследнике и погибших стражниках Вереск давно приобрёл тяжёлый неподвижный облик. Этот человек поправил ворот левой рукой и посмотрел, не заденет ли Нина ящиком косяк.

От кольца в полу тянулась светящаяся полоса к его поясу. Правую кисть прижали к поясу бумажной печатью. Чтобы повернуться к нам, пришлось переставить ноги вместе со стулом. Печать натянулась; Мирон остановился и чуть откинул плечо назад.

Стол придвинули к окну, оставив проход к служебной двери. На нём ждали две чашки вина и кувшин. У противоположной стены помещалась кровать, рядом стояло зеркало. Обычная комната, если не смотреть на кольцо под ногами пленника. Прошла к свободному стулу и назвала себя.

Он выслушал поручение Иларии и попросил убрать зеркало, заменить вино водой и принести подушку. Последнюю просьбу пришлось переспросить. Мирон приподнялся над сиденьем, насколько позволяла полоса, и снова сел с таким выражением, что стало понятно: чтение без подушки действительно придётся отложить.

— Начнём с неё? — предложил он.

Нина передала просьбу караульному. Позванный служитель положил на стул подушку, потом унёс зеркало через служебную дверь. Золочёная рама мелькнула в переходе и осталась прислонённой к стене. Мирон проводил её взглядом. Попросила вынести дальше, но служитель уже спешил за водой. До начала работы собиралась напомнить.

Он поправил подушку, придвинул чашку к свободной руке и, не прикоснувшись, попросил отставить её. Заодно мою. Вино отравлено; принёс Силантий, невысокий человек с ожогом возле большого пальца левой руки.

Подняла глаза на караульного. Тот подтвердил, что поднос внёс Силантий. Нина перестала открывать застёжки ящика. Некоторое время было слышно только, как за окном скребут двор метлой.

Спросила, видел ли он яд. Чашки, ответил, принесли наполненными. Имя служителя ещё ничего не доказывало. Вереск мог задерживать пробу, добиваться смены охраны. За эти предположения и держалась. Сама всё равно убрала руку от вина.

Попросила объяснить уверенность. Он предложил сначала проверить обе порции. Разумнее, чем выяснять, насколько доверять пленнику. Нина достала стеклянные крышки, а караульный послал второго стражника искать Силантия. За лекарем решила отправить помощницу: так удастся передать предупреждение без лишних пересказов.

Но сперва требовалось договориться о чтении. Подвинула тетрадь и начала объяснять, что, в сущности, процедура останется обычной. Мирон посмотрел мне в лицо с внезапным усталым вниманием.

— После «в сущности» обычно идёт то, о чём вам неприятно говорить.

До этой минуты казалось, что он изучает мои камни и чин на вороте. Лада знала эту оговорку, несколько раз дразнила за неё. Ей случалось слышать, как оправдываю чужое поручение или собственную уступку. Этот человек сидел передо мной впервые.

Пальцы сами легли на сумку. Под ними оказался сгиб утреннего заключения. Захотелось убрать его глубже, хотя сквозь ткань Мирон ничего увидеть не мог.

— Мы раньше встречались?

— Вы бы запомнили.

Он ответил без улыбки. Присмотрелась к лицу, попробовала вспомнить приёмы, торжественные обеды, людей в передних Палаты. Никакого узнавания. Нина тихо назвала меня по имени: нужно было решить, кого звать. Отправила её за Серафимой и осталась раскладывать камни. Знакомый порядок помогал, пока не подняла голову. Мирон уже смотрел в окно, словно продолжать разговор ему было тяжелее, чем мне.

Предупредила, что начну с небольшого участка, и попросила расстегнуть рубашку. С двумя пуговицами он справился, третья застряла в петле. Подождал, пока помогу, откинул ткань и опустил левую ладонь на стол. Ворот давно натёр шею; край рубашки завернулся внутрь.

Карта начиналась под левой ключицей. Сперва виднелись только следы, похожие на старые ожоги, потом возле грудины проступила развилка. Две ветви сходились под ребром и уходили за бок. Подалась ближе, чтобы рассмотреть соединение. Разметка удерживала живые связи между проходами; на учебных носителях их закрепляли неподвижно, здесь каждый вдох менял натяжение.

Приблизилась, забыв о вине. Хотелось проследить хотя бы один поворот, понять, как семейную дорогу удалось сохранить на человеке. Мирон коснулся края рубашки, останавливая мою руку, и спросил, что ещё можно увидеть.

Объяснила про связанные с местом воспоминания: переживание иногда вело к нужному образу. С картой ещё не работала. Мирон разрешил читать разметку. В личный сон входить запретил.

Возражение возникло сразу. На третьей ступени не могла бы по желанию перерыть всю его память, да и заниматься этим не собиралась. Он говорил со мной как с человеком, за которым нужно следить. Уже приготовилась сослаться на поручение, когда вспомнилась женщина в кресле: тоже спрашивала, можно ли отказаться.

Предложила условный знак, два движения свободной рукой. После него чтение прекращу. Мирон попробовал шевельнуть пальцами, чтобы видела, и мы наконец смогли обсудить камень.

Серафима пришла вместе с Ниной. Выслушав предупреждение об отравлении, лекарь сразу отлила вино в две белые ложечки, попросила ещё одного караульного и подошла к пленнику. Выяснила, когда он ел, пощупала пульс. Утром ему дали хлеб. Камни пришлось отодвинуть.

Принесли еду и чистую воду. Пока лекарь проверяла их, вспомнился недавний обед: выбирала вторую булочку, а потом собиралась добиваться хорошего чтения от голодного человека. Подвинула тарелку. Мирон начал есть, понемногу расслабляя лицо.

Снаружи привезли мебель. Зеркало по-прежнему стояло у стены, повёрнутое стеклом к кладке. Во время пробы отражение хотя бы не будет перед глазами.

Нина установила пластину справа от меня. Серафима разрешила короткое чтение и осталась у чашек. Пленник положил левую ладонь на камень. Я коснулась развилки под его ключицей. Кожа оказалась прохладной. Под пальцами прошёл толчок, следом другой. Дождалась повторения и направила нить по знакомому ритму.

Шум двора начал удаляться. Ещё чувствовала край стола у локтя, когда под ногами возникла каменная ступень. На правом углу был сколот треугольник, в изломе темнела влага. Чуть выше, над собственной тенью, увидела квадратный рисунок решётки. За спиной тянулась крытая галерея.

Впереди путь поворачивал. За поворотом виднелась нижняя часть двери, вдоль порога лежал свет. Почти удалось различить, куда открывается створка, но нить задрожала. Давление под рёбрами заставило остановиться. Можно было попробовать ещё шаг; там, возможно, находилась примета, которой хватило бы для поиска.

Два движения пальцев почувствовала через камень. Отступила, запомнив скол. Глаза открылись раньше, чем удалось вернуть ощущение пола: стол будто уехал к окну. Пришлось подождать, упираясь подошвами в доски. Мирон сидел, наклонив голову. У моего пальца под его ключицей краснела точка.

Нина развернула тетрадь. Пока рисовала ступень, Мирон подтвердил скол и решётку. Дверь попросил обозначить пунктиром: пройти к ней сегодня не мог. Не хотелось ставить пунктир возле самого заманчивого места. Сделала, как он просил, и только потом заметила, что перестала думать о вечернем докладе. Поворот существовал. Его хотелось найти.

Серафима позвала к вину. В обеих ложечках лежал серый осадок. Повторная проба дала тот же результат: каждой чашки хватило бы для тяжёлого отравления. При чтении первые признаки могли принять за глубокую дремоту.

Для отравления хватило бы нескольких глотков перед чтением. Потом сидела бы с закрытыми глазами, а Нина отмечала бы расход, считая, что работа идёт хорошо. Взялась за стол и спросила, точно ли яд в обеих порциях.

Лекарь подтвердила. Хотелось спросить ещё раз. Вместо этого отодвинула чашку и попробовала вспомнить, когда впервые коснулась её края. Пить не успела. Это знала наверняка, но пришлось повторить про себя, прежде чем пальцы разжались.

Мирон придерживал рубашку. Подошла помочь с пуговицей, за которую уже бралась, и остановилась. Утром его имя означало опасность. Теперь он сидел здесь единственным человеком, заранее сказавшим, откуда она придёт.

Поблагодарила за предупреждение. Он кивнул, не делая вида, будто это связывает нас чем-нибудь ещё. От этого стало легче спросить, как ему удалось узнать о вине.

— Что изменится, если скажу, что помню?

Поднос он видел. Что ещё предлагал считать воспоминанием? По его лицу понять не удалось. Потребовала уточнить. Он попросил пока закончить с чашками. Вернулась к тетради, оставив место после имени служителя.

Караульный доложил, что служителя нашли. Тот получил готовый поднос, сам ничего не наливал. Серафима забрала чашки и винный кувшин; заключение обещала к утру, а сейчас

собиралась прислать укрепляющий настой. Вода осталась у Мирона. Он выпил, придерживая кувшин здоровой рукой, и поставил возле Нины.

Когда лекарь ушла, мы занялись рисунком. Уточняла положение решётки, он отвечал коротко, прикрыв глаза. Теперь, пожалуй, смогу спросить, что он помнит, без желания поймать его на лжи. Нина подвинула стул к служебной двери, где было больше света. Там звякнула ручка.

За дверью говорили о лекарстве. Караульный подошёл из главного входа, сверил знак на груди прибывшего с записью и пропустил. После Серафиминых слов никто не удивился коробке в полотенце. Мирон открыл глаза, когда служитель переступил порог.

— Поставьте там, — сказал он, показав на пол у двери.

Мужчина продолжал идти. Левая ладонь пленника поднялась со стола. Коробка упала раньше, чем успела понять, что происходит; из полотенца выкатился пустой деревянный лоток. В руке пришедшего блеснул нож. Другой рукой он бросил бумажную полосу на косяк главного входа. Дверь захлопнулась перед караульным.

Нина оказалась ближе к нападающему. Он метнулся к ней, и лезвие скользнуло перед лицом, задев невидимую преграду. В воздухе проступила рябь. Мирон держал ладонь поперёк прохода, оставляя помощнице место у окна. Нина отшатнулась туда; пластина упала с подставки.

Мужчина сразу обошёл поле справа. Мирон повернулся следом, дёрнул связанной рукой, и бумага у пояса вспыхнула. Кисть осталась внизу. Короткая защита перед Ниной качнулась, нож рассёк рукав у его локтя. Из-под ткани выступила кровь.

В служебном переходе повернули зеркало. В золочёной раме появилась грудь Мирона, раскрытая рубашка и моя рука возле неё. За рамой стоял второй человек. Прижимая к углу тёмную пластину, он вывел от неё красную черту к отражению карты.

Пленник увидел её одновременно со мной. Нож снова пошёл к груди; свободная ладонь ещё держала защиту перед Ниной, а вторую прижимала к поясу печать. Под бумажной петлёй отчётливо светился внешний стык. Такие соединения ставили пациентам, которые во сне срывали измерительные камни. Чтобы освободить кисть, достаточно было перетереть именно его.

Подвела нить под край бумаги. Жар обжёг пальцы, но знакомое соединение поддалось. Мирон успел схватить правой рукой запястье противника и прижать к столу. Дерево треснуло, нож упал. На полу натянулась удерживающая полоса: свободной осталась только кисть.

Красная черта в зеркале потемнела. Мирон выпустил чужую руку и толкнул меня вниз. Над головой обдало жаром. Рубашка на его груди разошлась вдоль старой разметки; в тот же миг мужчина выставил ладонь с широким перстнем. От него к ране дёрнулась вторая нить.

В карте лопнула светящаяся перемычка. Мирон втянул воздух, но выдохнуть не смог. Кожа разошлась, из-под крови метнулся оборванный конец. Он опёрся о стол, колено подогнулось. Поле перед Ниной исчезло.

Я прижала ладонь к разрыву. Этот участок только что читала, помнила развилку и ответ под рёбрами. Нужно было соединить края, пока рана не раскрылась дальше. Пустила свою нить между ними, поймала ближний конец, потянулась ко второму. Кровь мешала удержать пальцы, чужая сила жгла сквозь кожу.

Соединение замкнулось — и пол перевернулся. Вместо досок под ногами возникла каменная лестница, уходившая вверх к окну. Мирон тоже потерял опору; пришлось схватиться левой рукой за стол, чтобы не упасть вместе с ним. Колено ударилось о ножку. Под ладонью на груди снова разошлись края, и вся боль собралась в одном месте. Прижала крепче.

На моём запястье проступили тёмные ветви. Знакомый рисунок продолжался там, где его быть не должно. Попыталась убрать руку, но Мирон задыхался под пальцами. Пришлось вернуть натяжение. Воздух с шумом прошёл ему в грудь.

— На стол смотрите, — выговорил он. — Руку оставьте.

Перед глазами катился карандаш. Уперевшись взглядом в него, постепенно различила край тетради, Нинин почерк, выщербину на столешнице. Лестница отступила, осталась тяжесть чужого тела рядом. Мужчина с перстнем наклонился за ножом.

Мирон поддел ногой стул и толкнул противнику под колени. Тот упал боком к служебной двери. Второй, за зеркалом, отвёл пластину и снова поднял её. Пригнулась вместе с Мироном; жар ударил в столешницу, над волосами посыпалась чёрная труха. Из главной двери доносились удары караульных.

Нина схватила оставшийся кувшин с водой. Он попал в нижний угол зеркала, стекло треснуло. Красная линия погасла. Человек за рамой выругался; послышался топот вниз по лестнице. Первый нападающий рванулся за ним, но упёрся плечом в стол, который Мирон сдвинул к косяку.

Удерживающая полоса натянулась у самого кольца. Мирон не мог податься дальше, зато стол запер узкий выход. Мужчина попытался развернуться. Пленник прижал его запястье к доске освобождённой правой рукой. Из-под обгоревшей печати по костяшкам текла кровь.

Нина подставила стул под край столешницы. Нож, блеснувший возле её ноги, она оттолкнула к кровати. Нападающий бил свободной ладонью по дереву; перстень задел доску, и в месте касания вспухло чёрное пятно. Мирон навалился сильнее. С моей ладони сорвался огонёк, рука онемела до локтя.

Караульные принялись взламывать главную дверь. Увидев, где тянется запирающая бумага, потребовала ломать косяк возле замка. Караульный снаружи услышал. Нина подняла крышку ящика перед лицом, когда полетели щепки. Дверь распахнулась, и стало возможно наконец вдохнуть, не прислушиваясь к каждому шороху за спиной.

Противника вытащили из-за стола, сняли перстень и скрутили руки. Мирон отпустил его и сел прямо на пол. Опустилась рядом, не отрывая пальцев от груди. Второго пытались догнать, но стражник вернулся один: тот успел уйти по служебной лестнице.

Ничего не горело, никто больше не замахивался. Только вода под столом ещё растекалась между досками. Нина присела возле разбитой пластины и подняла её обеими руками. Увидев кровь на щеке помощницы, захотела спросить, сильно ли порезало, но вместо слов вырвался кашель.

Она сама позвала лекаря. Караульный побежал, остальные подняли задержанного. Мирон ещё сидел у ножки стола, прикрыв глаза. Попробовала ослабить нить: кровь сразу пропитала ладонь. Снова соединила края, дождалась толчка сердца.

Серафима пришла с носилками. У входа печатный страж опустил руку, перекрыв дорогу: при взломе сорвали дверную метку. Нина выдернула медный штырь, затем позвала караульного отвести тяжёлую перекладину. Лекарь опустилась возле нас на колени, не тратя времени на вопросы.

Камень возле моей ладони принял часть нагрузки. Пока разрезали рубашку и освобождали Мирона от напольного удержания, стало возможно разжать левые пальцы, вцепившиеся в его рукав. Правую руку Серафима велела оставить на ране. Так и пошла возле носилок: ладонь на груди, в другой руке камень, под туфлями скользкая вода. Нина задержалась у служебной двери. Слышала, как она требует сохранить обломок рамы и снятый перстень, и была благодарна, что об этом сейчас помнит другой человек.

В лекарском покое села вплотную к постели и заметила кровь на туфле. Утром Лада поправляла мне застёжку, её волосы щекотали подбородок. Захотелось позвать подругу. Пришлось отвернуться к окну, чтобы Нина не заметила слёз.

Помощница подала воду. Пальцы не согнулись вокруг ручки, и она придержала чашку. Пила из её рук, стараясь пока не думать, что случится дальше.

Серафима укрепила камень у раны и отвела мою ладонь. На запястье темнели две ветви, повторяя разорванный участок карты. Лекарь коснулась рисунка — Мирон дёрнулся одновременно со мной. Она сразу убрала руку.

Поражённое место держалось через мою нить. Замкнулся только прочитанный участок карты. Спросила о камне: нельзя ли оставить на нём всё и дать мне хотя бы выйти?

Опора принимала часть нагрузки. Без моей нити её хватит на несколько часов при полном покое, затем рана откроется. Другой замены сегодня не было. Серафима подложила под кисть подушку; оказалось, запястье висело на весу.

Начальнику караула рассказала о нападении. Нина добавила приметы второго человека. Знак задержанного оказался чужим. Пока записывали показания, Серафима наложила мазь. Холод под повязкой немного успокоил боль.

Илария вошла, когда за окном уже менялся свет. При ней попыталась сесть прямее, но кисть соскользнула с подушки. Серафима вернула её на место. Покровительница посмотрела на повязку Мирона и спросила, цела ли карта. Чуть не заверила, что необходимое сохранено, но взглянула на свою руку. Хотелось услышать вопрос о нас.

Серафима сказала, что ещё один разрыв мог убить пленника. Илария подошла к постели, рассмотрела обожжённую разметку и переспросила, пытались ли снять удержание. Пришлось объяснить, что кисть освободила сама. Она посмотрела на меня, затем снова на рану. Похоже, такой цели нападения не ожидала.

Она потребовала перекрыть служебные проходы и найти выдавшего знак. Образцы вина оставались у Серафимы; Нина получила по описи обломок рамы и перстень. Помощница закрыла ящик и наконец присела.

Илария спросила о союзной печати. На занятиях такую применяли для временной связки, пока меняли опору. При знакомом названии стало легче: существовало что-то лучше неподвижного сидения у постели.

Закрепление выдержит, подтвердила Серафима. Илария велела готовить старое крыло, чтобы после осмотра продолжить поиски. На миг вернулось утреннее облегчение: меня по-прежнему считали способной работать.

Мирон приподнялся на локте, придерживая повязку.

— Она закрыла мне рану. За это её не нужно запирать со мной.

Не сразу посмотрела на него. Днём приготовилась возражать на отказ, угрозу, насмешку. А сейчас человек, чья жизнь зависела от моей руки, говорил против самого выгодного для себя решения. Не хотелось придавать этому лишнего значения. Только слова уже услышала и сердиться на него по-прежнему не получалось.

Илария ответила, что предлагает сохранить нам жизнь. Мирон ещё раз спросил о временном камне и лёг обратно. Другого выхода у него тоже не было.

Попросила пока не посылать за вещами. Голос дрожал, и слова пришлось повторить. Серафима придвинулась ближе. У неё спросила то, о чём не получалось говорить с Иларией: смогу ли уйти после поисков и сколько времени займёт лечение.

Назвать срок Серафима не могла. Когда Мирон окрепнет, начнут искать независимую опору. Пока нужна общая оборудованная зона. Расстояние проверит Серафима; закрепление не требует спать в одной постели.

Палец, которым утром выводила заключение, не сгибался. Подходящая формулировка теперь ничего бы не исправила. К вечеру домой не отпустят, но требовать способа разъединения могла уже сейчас.

— Я согласна на временное закрепление, — сказала Серафиме. — Способ разъединения начните искать сразу.

Нина записала решение. Мирон повернул голову; взгляд у него был усталый, тяжёлый. Не стала отводить глаза: услышал вместе со всеми.

Запястья положили над опорой. Илария провела ободком с тёмным камнем над перемычкой, замыкая вокруг участка новый знак. Такой же появился у Мирона. Под кожей перестало дёргать. Серафима отвела лечебный камень; боль не вернулась.

Разговор о совместных покоях перебила просьбой назвать их рабочими и поставить две кровати. Илария согласилась. Серафима попросила оставить проход между постелями, а Нина записала назначение печати.

Принесли чистую рубашку и бульон. Поела левой рукой, понемногу возвращая вкус: соль, потом укроп, которого повар жалел. Мирон сумел удержать ложку. За окном зажгли фонарь.

Из старого крыла сообщили, что всё готово. До следующего осмотра следовало оставаться рядом с пленником; совместный рабочий сон поручили провести, как только разрешит лекарь. Утром от меня ждали заключение. Хотелось возмутиться этим утром, но Нина спросила о вещах, и обнаружилась просьба поважнее.

Попросила известить Ладу и забрать у неё платье, сорочку и тёплый платок. Помощница пообещала зайти к ней сама. Только после этого удалось открыть тетрадь. Под рисунком ступени записала имя Силантия, ниже — «Что он помнит?» Левой рукой буквы ложились неровно. Мирон смотрел на огонь за стеклом. Пока он не повернулся, добавила: «Откуда знает меня?» — и закрыла тетрадь, прижав к себе здоровой рукой.

Глава 3. Две кровати и ширма

Аглая

В старом крыле нас ждали две кровати, поставленные изголовьями к одной стене. Между ними оставили место для ширмы. Я остановилась на пороге, прикинула расстояние от двери до постелей и спросила, нельзя ли одну перенести в соседнюю комнату.

Авдотья Петровна, распоряжавшаяся покоями, держала в руках подсвечник. Соседняя комната оказалась за внутренним двором; здесь помещалась только умывальня. Авдотья посмотрела на Серафиму: перенести кровать можно, но сначала пусть лекарь скажет, кому где спать.

Говорила она без суеты, хотя позади два служителя ждали, куда деть ширму. На рабочем фартуке висела связка ключей. Седые волосы были убраны так туго, что хотелось поправить собственный растрепавшийся пучок. Авдотья отдала подсвечник одному из служителей и сама придержала створку. Нас пропустили в комнату; караульные остались в переходе.

Мирон сел на ближайшую кровать. По дороге в старое крыло пришлось остановиться у окна; Серафима сделала вид, что поправляет ему повязку. Теперь осторожно вытянул ноги и спросил, сколько места нужно для работы. Авдотья показала рукой проход между кроватями. Вдоль плинтуса шла тканевая полоса с вплетёнными медными нитями. Её концы уходили под ножки постелей, соединяя их с двумя невысокими опорами у стены.

Серафима проверила крепления и разрешила раздвинуть кровати до ширины ширмы. Полоса осталась свободно лежать на полу, без натяжения. У своей постели присела и увидела, что узор на запястье светлеет. Боль, державшаяся с лекарского покоя, почти отпустила. Появилась надежда на спальню через двор.

Серафима предложила проверить, как далеко можем отойти друг от друга, пока бодрствуем. Вторая комната находилась в охраняемой части крыла, окно Мирона выходило прямо на неё. Авдотья освободила ножки переносимой кровати от тканевой полосы и позвала служителей.

Объяснять, зачем мне отдельная спальня, никто не потребовал. От этого стало ещё досаднее. За весь вечер приготовила несколько веских возражений против общих покоев, а отвечать приходилось на вопрос, можно ли уже поднимать кровать.

Нина подала платок и взяла сумку. Вещи из моей комнаты принесли с запиской Лады: утром она будет в Палате, а ночью просила не стесняться её будить. Записку положила обратно. Пока требовалось всего лишь переночевать.

Служители подняли кровать. Пошла рядом, приподняв подол здоровой рукой; Серафима держалась у моего плеча. За открытым окном оставшейся спальни сидел Мирон, Нина встала возле него с пластиной. Во дворе пахло мокрой землёй. Под навесом горела лампа, и от неё по плитам тянулась жёлтая дорожка.

До противоположной двери оставалось несколько шагов, когда на запястье запекло. Остановилась. Лампа вдруг оказалась справа, хотя только что была слева. Попробовала повернуться к Серафиме и едва не наступила на край платья. Лекарь подхватила меня за локоть и повела обратно. Кровать замерла под навесом.

Мирон поднялся у окна и отступил к двери своей спальни. Когда мы встретились на пороге, жжение уменьшилось. Раздражённо дёрнула рукав вниз; ткань задела обожжённые пальцы. Нина разглядывала пластину. Серафима проверила наши запястья и велела вернуть кровать.

Ни одного замечания Вереск не сделал. Молча посторонился, пропуская служителей, и подождал, пока смогу пройти. В воображении он непременно должен был сказать что-нибудь о нетерпеливой невесте или бесполезном упрямстве. На такую реплику нашлось бы что ответить.

Авдотья вернула тканевую полосу под ножки кровати и поставила возле неё лампу. Мирону достался подсвечник: он попросил свет, который можно погасить, не вставая. Ширму развернули между постелями, оставив проход с обеих сторон. Плотная серая ткань пропускала размытые тени.

Положила записку Лады на столик и проверила лампу. Поворотом колпачка можно было легко убавить свет. Захотелось попросить Авдотью оставить мне эту лампу. Пришлось напомнить себе, что полученные покои сейчас радовать вроде бы не должны.

Серафима попросила нас поочерёдно пройти к умывальне. Внутри комнаты неприятных ощущений не возникло. Мирон дождался за ширмой, пока вымою руки. Щеколда на двери легко задвинулась; выходя, оставила её открытой для лекаря.

Авдотья сняла небольшое зеркало с гвоздя у раковины. Посоветовала ночью держать его в шкафчике: отражение лампы попадало как раз на постель. После сегодняшнего стекло брать не хотелось даже за раму. Попросила убрать его совсем, и она завернула зеркало в полотенце, не задавая вопросов.

На мой вопрос о сне Серафима ответила, что в пределах приготовленной комнаты можно отдыхать на разных кроватях. Перед этим нужно ненадолго войти в рабочий сон и проверить, как ведёт себя закреплённая ветвь. Нина останется с пластиной, сама лекарь будет здесь. Если расход вырастет, пробу прервут. Полноценное чтение до утра откладывалось.

Авдотья пересчитала полотенца и отметила их в книжке. Из перехода позвали: прачечная прислала бельё без ведомости. Женщина посмотрела на часы и предупредила, что ещё одну перестановку придётся отложить до утра. Бельё нужно принять до смены караула, иначе недостачу припишут ей.

Когда она ушла, в комнате стало тише. За ширмой звякнул подсвечник. Мирон пытался подвинуть столик свободной рукой; ножка застряла на краю коврика. Поднялась, помогла передвинуть и вернулась к себе. Хотелось уже снять платье, распустить волосы и хотя бы полчаса никому не объяснять, что всё идёт по плану.

На моей кровати лежало одеяло цвета мёда, с широким шёлковым узором. Провела ладонью по мягкой стёжке и обнаружила на изнанке парный знак. По обе стороны расходились одинаковые ветви. Надо было сразу спросить, откуда взялось одеяло, но ткань успела понравиться.

Пока Серафима готовила опоры, села на постель, вытянула уставшие ноги и накрыла их. Тепло пришло почти сразу. Плечи расслабились, дыхание стало глубже. Из-за ширмы донёсся тихий выдох Мирона. Следующий вдох смогла сделать лишь одновременно с ним. Выждала, попробовала дышать чаще. По груди прошла вязкая тяжесть.

Сначала подумала на союзную печать и посмотрела на запястье. Рисунок не изменился. Зато край одеяла сполз с колен и потянулся к проходу под ширмой. Подхватила его. Из ткани пришёл слабый толчок, ещё один — с тем же промежутком, что дыхание за перегородкой.

Позвала Серафиму. Пока она подходила, одеяло удалось сбросить на пол. Вдох получился резким, до боли под ключицами. Мирон отодвинул край ширмы и посмотрел на расползшуюся ткань. Нина подняла пластину; на ней не было прежнего скачка, который появился во дворе.

Серафима приподняла подкладку: вдоль шва темнела нить между парными знаками. Одеяло согласовывало дыхание, помогая держать общий сон. Такие предлагали придворным супругам. В Палате видела лишь маленький образец; здесь на полу лежало несколько моих жалований.

Одеяло снова потянулось под ширму. Мирон придавил край ножкой стула и спросил, нельзя ли принести два обычных. Серафима уже звала Авдотью. Та вернулась с раскрытой бельевой книжкой в руке, посмотрела на шёлк и потребовала показать ярлык. По записи выходило, что из кладовой выдали лучшее, какое полагалось комнате для двоих.

— Обычных два, — повторил Мирон. — Нам хватит.

Авдотья позвала служителя. Дорогое одеяло свернули узором внутрь и унесли; на кровати легли два шерстяных. Своё сразу потрогала с изнанки и проверила шов. Авдотья наблюдала за этим с терпеливым лицом, затем спросила, устроит ли меня ещё и простая подушка. Ответила, что устроит. Обижаться на неё было бы несправедливо.

Серафима решила дать нам время переодеться. Лечебные камни остались на столе, Нина вышла вместе с ней в соседний покой. За ширмой Мирон попросил подать чистую рубашку: свёрток с его вещами положили на край моей кровати. Передала через ближайшую створку и повернулась к сумке.

С одеждой обнаружилась новая трудность. Лада прислала привычную ночную сорочку, вполне годную для собственной спальни. Здесь захотелось чего-нибудь поплотнее и с воротом повыше. После недолгих поисков на постель лёг ещё и халат. Стало жарко заранее, зато не придётся торопливо искать рукав, если Серафима снова войдёт.

Из-за ширмы донеслось сдержанное шипение. Спросила, не нужна ли помощь. Мирон ответил, что зацепил рубашкой край повязки. Между створками была щель; через неё виднелась его рука и тёмное пятно ниже ключицы. Успела заметить, что наружная салфетка сдвинулась.

Следовало позвать Серафиму. Вместо этого зачем-то сообщила, что смотрю только на повязку, и поспешно отвернулась. Локоть задел стойку. Створки сложились, край ширмы скользнул по ковру. Ухватилась обожжённой рукой, вскрикнула и выпустила раму. Мирон поймал верхнюю перекладину свободной ладонью.

Он сидел на кровати с раскрытой рубашкой. Повязка пересекала грудь наискось, кожа возле неё покраснела. Пока удерживал ширму, напряглась рука, и на шее выступила жилка. Взгляд задержался на ней прежде, чем удалось снова посмотреть на рану.

Мирон дождался, пока возьмусь за стойку левой рукой. Вместе раздвинули створки. Серафима вошла на шум, поправила салфетку и помогла ему с рубашкой. Мне велела показать пальцы. Новый ожог не появился, но прежний начал саднить сильнее. Мазь пришлось накладывать ещё раз.

Стояла возле своей постели и старалась не смотреть на силуэт за тканью. Мирон мог бы хоть усмехнуться. Он поблагодарил Серафиму и спросил, можно ли положить рубашку рядом, не надевая её для сна.

Когда лекарь снова вышла к Нине, решила уточнить, как нам поступать дальше. Если потребуется пройти за ширму, лучше предупредить. Мирон предложил постучать по деревянной стойке. Для умывальни тоже следовало стучать, даже если дверь не заперта. Тут спорить оказалось не о чем.

С личным сном вышло труднее. Напомнила, что чтение карты может задеть след, связанный с человеком. Мирон ответил, что предупреждение о возможности ещё не разрешение смотреть. Пришлось признать, что это справедливо. Попросила о том же для себя. Он помолчал, затем согласился.

— И будите сначала голосом, — добавил он.

Вспомнился нож, скользнувший по его полю, и ответ пришёл не сразу. Спросила, как он станет будить меня, если во сне перестану отзываться на своё имя. Мирон сказал, что попробует окликнуть, прежде чем тянуть за руку. Точный способ нам всё равно предстояло проверить вместе с лекарем.

Присела на кровать и потянула одеяло на колени. Оно осталось там, куда его положили. По ту сторону ширмы заскрипела постель. Мирон устраивался на спине, перекладывая подушку так, чтобы повязку не тянуло. Погасить его свечу можно было, не выходя из-за перегородки. Свою лампу сделала слабее.

Только теперь удалось распустить волосы. В сумке нашёлся Ладин гребень с резным цветком на спинке. Пока расчёсывалась, за ширмой несколько раз шелестнула ткань. Положила гребень рядом с запиской и пригладила ночную сорочку под халатом.

Серафима вернулась, когда обе постели были готовы. Она поставила опоры на низкие столики, велела лечь и вытянуть правые руки поверх одеял. Нина зарисовала положение кистей. Камень для входа вложили в левую ладонь; в нём держалось слабое, приятное тепло. Мирон спросил, насколько глубоко позволено идти. Лекарь разрешила только ближайший связный участок.

Если снова появится знакомая дверь, следовало остановиться перед ней и запомнить путь. Серафима подождала, пока повторю условие, затем убавила лампу. За тканью стало слышно дыхание Мирона. На этот раз торопиться за ним не пришлось: шерстяное одеяло лежало спокойно.

Нить нашлась под рисунком на запястье. Подвела её к камню, дождалась отклика. Веки тяжелели, а звуки комнаты ещё оставались отчётливыми. Нина попросила не сжимать пальцы. Послушалась — и перестала чувствовать одеяло на ногах.

Вместо него ступни коснулись прохладного пола. По длинному коридору тянулась дорожка, потёртая у самого края. Свет падал через решётчатое окно. Узнала квадратную тень и сперва обрадовалась: значит, попали туда, куда нужно. Потом заметила, что окно теперь находилось впереди, а каменной ступени нигде не было.

Мирон стоял неподалёку в расстёгнутой рубашке. Повязки под воротом не виднелось. Захотелось проверить рану, но руку остановила. Он подошёл к окну, положил пальцы на подоконник и отнял их. На камне остался светлый отпечаток.

До первой двери добрались вместе. Для меня она оказалась закрыта гладкой серой поверхностью: ручка проступала, пока смотрела краем глаза, и исчезала при попытке взяться. Мирон повернул её без труда. За дверью виднелась ещё одна стена с узкой нишей. Он задержался у порога и покачал головой. Дальше не пошёл.

У следующей двери всё вышло наоборот. Под моими пальцами тёплая деревянная ручка сразу подалась. Мирон попросил описать, что вижу. Назвала тёмную доску с потёртым местом возле щеколды и запнулась: такие потёртости оставались на двери в нашей старой квартире. По ту сторону пахло печным теплом. Слышался стук ложки о край чашки — мама обычно размешивала чай, пока он ещё обжигал пальцы.

Прикрыла дверь. Мирон смотрел на пустое место над ручкой: для него створка оказалась гладкой. Стука ложки он тоже не слышал. Осталось неприятное чувство, будто посреди рабочего дня распахнула шкаф с собственным бельём.

Дальше тянулся тот же коридор. У поворота в стене была плитка с изображением челнока. Возле неё дорожка расходилась на два узких полотнища; одно уходило под низкую арку. Села на корточки и запомнила шов в кладке. Мирон попросил не касаться плитки. Остановилась, не дотянувшись. Ему требовалось посмотреть на арку сбоку, и мы обошли развилку.

Там, за поворотом, появилась дверь из первого чтения. Теперь было видно всё полотно, до верхней перекладины. Внизу лежала знакомая полоса света. Мирон подошёл ближе и замер. Правая кисть медленно сжалась, хотя возле самой двери ничего не двигалось.

По привычке потянулась к напряжению, которое удерживало его возле двери. Хотелось отличить страх от отклика карты, прежде чем выбирать подход. В обычном сне пациента тревога помогала найти образ, и теперь направила нить вслед за ней.

Отклик пришёл мгновенно. Дверь дёрнулась вместе с моей рукой. Рисунок на запястье вспыхнул, горячий след побежал вверх, и Мирон резко повернулся. На его кисти проступила такая же светлая черта. Он выставил ладонь поперёк коридора; под потолком хрустнуло. Щель над дверью расширялась, оттуда сыпалась каменная крошка.

— Остановите нить. Сейчас.

Попробовала отвести её к камню и не нашла камня. Под пальцами был дверной край, хотя стояла в нескольких шагах от него. Пришлось повторить движение медленнее, отделяя собственный отклик от чужого. Горячий след перестал удлиняться. Мирон удерживал небольшой участок перед нами; по обе стороны от его ладони поверхность стены вздулась, зато путь к окну оставался цел.

Он велел отступать. Сделала шаг, ещё один и едва не оступилась на краю дорожки. Мирон двигался следом, оставляя ладонь перед собой. Удерживаемый край сдвигался вместе с ним. Дальнюю арку заволокло пылью.

Оклик донёсся из комнаты — Нина произнесла моё имя. За ним последовал голос Серафимы. У окна в коридоре ещё виднелась квадратная тень; сосредоточилась на ней и снова почувствовала тёплый камень в левой ладони. Разжала пальцы. В нос ударил запах свечи, а правое запястье обожгло так, что пришлось стиснуть край простыни.

Над кроватью стояла Серафима. Она придержала мой локоть и велела не растирать кожу. За ширмой закашлялся Мирон. Нина отодвинула створку и показала лекарю его руку: в том же месте краснел узкий ожог. Села, но пол качнулся. Пришлось опереться на подушки.

Начала рассказывать о дверях. Серафима дала договорить до попытки чтения и уточнила, когда появилась боль. Потом попросила положить руки, как до пробы: камень слева, обожжённую кисть справа, поверх одеяла. Нина зарисовала. До пламени было далеко.

Мирон подтвердил, что удерживал коридор после рывка нити. На его груди новая кровь не проступила, но дышать снова стало труднее. Серафима проверила повязку и осторожно провела над ожогами влажными полосками ткани. Их убрали в разные стеклянные трубочки. Нина нарисовала по краям страницы наши кисти, отметив совпадающую линию. На пластине сохранился резкий общий скачок.

Лекарь объяснила, что мы попали в рабочий проход через сцеплённую ветвь. Моя нить потянулась к переживанию Мирона и задела сам путь. Повреждение отозвалось там, где этот путь проходил через нас обоих. При обычном страшном сне такой ожог сам по себе не появляется. Сейчас нужно обработать кожу, прекратить чтение и дать разметке успокоиться.

Мазь холодила. Остановиться собиралась перед дверью, а вместо этого применила знакомый приём, даже не предупредив Мирона. Он смотрел на Серафиму. Когда лекарь закончила с моей рукой, попросил ещё воды.

Пришлось самой сказать, где ошиблась. Мирон спросил, зачем полезла искать чувство, если требовалось запомнить проход. Хотелось ответить, что этот приём обычно помогает. Сказала лишь, что приняла напряжение за обычный след сна.

Он кивнул и спросил о плитке у развилки. Назвала челнок и шов под ним. Мирон попросил нарисовать до того, как усну. Нина подала тетрадь. Наконец стало на что отвлечься, кроме рук.

Нарисовала арку, постучала по стойке и обошла ширму с тетрадью. Мирон показал, где верхняя линия должна быть ниже. Подправила. С рисунком перед глазами разговаривать было легче, чем угадывать по лицу, чего он не хочет говорить. Нина сняла копию, а Серафима велела закончить.

Оставшуюся ночь спали без камней в ладонях. Лекарь осталась в соседнем покое, Нина устроилась там же, чтобы можно было позвать обеих. Лампу сделала совсем слабой. За ширмой несколько раз скрипнула кровать; Мирон искал положение, в котором не тянуло грудь. Дождавшись тишины, перевернулась на другой бок. Узор на запястье не дёрнулся.

Заснуть удалось не сразу. Перед глазами вставала дверь с домашней щеколдой, и хотелось снова открыть её, уже одной. Отложила эту мысль, натянула одеяло выше и прислушалась к комнате. Слышно было, как за стеной Серафима тихо разговаривает с Ниной. В конце концов уснула под их голоса.

Разбудили нас на рассвете. Серафима проверила повязки, посмотрела на свежие ожоги и велела сначала позавтракать. Сквозь занавеску уже проступало серое утро. На своей кровати сидела одна, под обычным одеялом, и несколько мгновений просто радовалась, что можно не вставать одновременно с Мироном.

Авдотья принесла поднос и поставила на стол возле окна. Пока застёгивала платье, из-за ширмы донеслось негромкое металлическое постукивание. Мирону принесли дорожный плащ, и он чинил застёжку. Штифт вышел из ушка; придерживая его левой рукой, пытался вдавить обратно правой. Повязка мешала согнуть пальцы.

Подала ему щипцы из швейного мешочка Авдотьи. Мирон попросил придержать плащ. Подержала, пока штифт встал на место. После вчерашних печатей приятно было смотреть на застёжку, которую можно починить за несколько минут.

За завтраком он ел медленно, берёг правую руку. Подвинула хлеб поближе и раскрыла тетрадь. На найденном повороте не хватало ширины прохода. Внесла поправку по свежей памяти, потом принялась за заключение. Описание чтения далось быстро, а дальше несколько раз меняла начало фразы.

«При пробном входе отмечено осложнение по общей проводящей линии». Получалось привычно и аккуратно. Под строкой описала расположение ожогов у нас обоих и попытку чтения, после которой они появились. Мирон наклонился, когда передавала ему страницу с рисунком, и прочёл верхний лист.

— «Осложнение»? — Он опустил взгляд на мою руку. — Напишите, что сожгли себе руки. Так хоть сразу видно будет.

В тарелке остывала каша. Положила перо, чтобы не ответить первым, что пришло в голову.

— Прочтите до конца. Там и ожоги, и причина, которую ещё нужно проверить.

Он дочитал. Указал на слово «возможная» перед описанием причины. Напомнила, что рывок нити мы почувствовали во сне, а измерения ещё предстоит сопоставить с пробами. Убрать слово означало бы выдать предположение за установленный факт. Мирон вернул лист и попросил только не потерять запись о том, после какого действия появились ожоги.

В начало вынесла ограничение на повторное чтение до лекарской проверки. Серафима дописала назначение мази и допустимую нагрузку на сегодня.

Мирон спросил, можно ли рассмотреть рисунок ещё раз. Провёл пальцем от окна к плитке с челноком. Эта часть вела к старой торговой опоре в Шёлковом проезде. Когда-то ею пользовались Вересковы; за последние годы помещения над лавками несколько раз меняли владельцев. Саму опору он видел, но нынешний отклик карты требовалось проверить на месте.

Сразу посмотрела на Серафиму. Та попросила сначала объяснить, что собираемся делать. Предстояло дойти до галереи над лавками, найти опору и сравнить её след с ночным рисунком.

Выйти из комнаты хотелось почти так же сильно, как получить верный маршрут. Серафима осмотрела Мирона и разрешила короткий выход под охраной, с переносной опорой. Поедем в экипаже, а у галереи осмотримся без глубокого чтения.

Нина отнесла заключение и просьбу о выходе в Палату. Пока её не было, записала адрес со слов Мирона. Название торгового дома он велел сверить: старая вывеска могла сохраниться при новом хозяине. Возле адреса оставила место для отметки опоры.

Авдотья собирала поднос. Ткань, закрывавшая проход в соседний покой, зацепилась складкой за стол. Женщина освободила край и передвинула зажим. На другой стороне полотна сами расправились складки; медная нить у плинтуса перестала натягиваться. Пригляделась к креплению. Такой сноровки со своей ширмой явно недоставало.

Похвалила её работу. Авдотья ответила, что иначе проходящие весь день будут тянуть подолом край, и сняла с гвоздя пустую бельевую сумку. На подоконнике осталась её книжка.

Вернувшись за ней, женщина отдельно напомнила, что дорогого одеяла в комнате больше нет. Пришлось подтвердить это в её записи.

Илария разрешила обследовать опору под охраной; караулу передали маршрут и время возвращения. Немиров прислал чистую форму для заключения. Нина положила её поверх рисунка. До утра мечталось о четверти часа без бумаг. Теперь подпись открывала дверь в город.

Указала цель выхода и предел чтения, подписала форму. К ней приложили запись об ожогах и назначение лекаря. Копию убрала в сумку. Нина осталась подготовить для Палаты измерения, сохранив у себя исходные листы. Пробы с проводящих линий забрала Серафима.

Из футляра лекарь достала плоский камень в чехле. Приложила к опорам у постелей, затем дала мне: на запястье потеплело. С камнем можно было вынести общую ветвь из комнаты. Уходить в разные стороны Серафима запретила. При жжении следовало немедленно прекратить поиск и вызвать лекаря.

Чехол закрепили у меня на поясе. Мирон поднялся, подождал, пока соберу сумку, и прошёл со мной до двери. Серафима следила за пластиной. На пороге пришлось задержаться: повязка на моём запястье цеплялась за край рукава. Нина поправила ткань, Авдотья подала плащ. После нескольких шагов по переходу знакомой потери направления не появилось.

У лестницы караульный проверил разрешение и дал знак вознице. Клинок Мирона оставался на прежнем посту. Во дворе пленник остановился возле экипажа, опираясь рукой на дверцу. Забралась первой, оставив ему место, где можно сидеть, не прижимая рану к борту.

У ворот дворца пришлось подождать сменявшуюся стражу. Под локтем лежала сумка с рисунком, на поясе ощущался камень, мазь холодила запястье под повязкой. Мирон сидел напротив. Некоторое время смотрела на починенную застёжку его плаща, потом отвернулась к окну.

За воротами уже открывались лавки. На перекрёстке возница придержал лошадей, пропуская тележку с хлебом, и в экипаж потянуло тёплым тестом. Захотелось попросить остановиться, купить ещё булочку и пройти немного пешком. Вместо этого достала тетрадь, проверила адрес Шёлкового проезда и показала его караульному. Экипаж влился в утренний уличный шум.

Глава 4. Шёлковый проезд

Аглая

До Шёлкового проезда добирались около часа. К концу дороги камень на поясе натёр бок, а запястье под повязкой начало зудеть. Я сидела у окна и старалась запомнить повороты: хотелось потом вернуться сюда без караула и купить что-нибудь, чего не требовала служба. Пока в сумке лежала тетрадь с единственным адресом.

Экипаж остановился возле арки между лавками. Над проходом висел выцветший шёлковый вымпел, за ним открывался внутренний двор с верхней галереей. По деревянному настилу ходили покупатели. Внизу торговец раскатывал ткань перед женщиной с корзиной; мальчик лет двенадцати придерживал конец, чтобы тот не свалился в пыль.

Мирон задержался у подножия лестницы. Проследила за его взглядом: на каменном столбе под навесом сохранился челнок, вырезанный в небольшой плитке. Как в ночном сне, только здесь один край был стёрт от чужих рук. Чуть выше виднелся косой шов кладки. Достала рисунок. После комнаты, в которой любой мой шаг приходилось проверять с лекарем, совпадение показалось почти подарком.

На верхней площадке старший караульный показал разрешение хозяину лавки. Тот убрал с прохода связку реек и попросил не загораживать лестницу: скоро привезут товар. Мирон указал на узкую нишу у конца галереи. Под слоем краски проступал старый металлический круг. Остановившись перед нишей, он положил левую ладонь на её край, а мне предложил проверить знакомую ветвь через камень.

Глубоко читать не потребовалось. Под пальцами нашёлся тот же поворот, возле которого ночью вышла отдача. Здесь он откликался слабее, зато ответ не распадался. Отметила на рисунке положение круга. Мирон попросил проверить ещё нижнюю часть. Пришлось присесть, придерживая сумку коленом. В углублении обнаружилась потемневшая риска; её тоже нанесла на лист.

До этой минуты работа шла как надо. Уже представляла, как покажу Серафиме подтверждённую опору, когда рядом с тетрадью легла чужая ладонь. Человек в длинной серой куртке попросил прекратить чтение. На груди у него висел знак Алой Нити. За спиной стояли ещё двое; у ближайшего был обожжённый край рукава, второй держался возле перил.

Посланник развернул распоряжение о проверке запрещённого способа переноса разметки. Печать с виду казалась настоящей, но рассмотреть сам лист он позволил лишь после требования назвать основание остановки. Старший караульный поклонился и сразу отвёл глаза от строки, на которую собиралась указать.

Распоряжение разрешало осмотреть носителя и установить происхождение метода. О передаче карты школе там говорилось как о возможном следующем действии, после заключения. Посланник объявил, что нужное заключение уже имеется. Внизу стояла ссылка на моё имя и номер утреннего допуска.

Попросила показать документ целиком. В ответ получила копию строки о возможности краткого обследования. Ограничение на глубокое чтение тоже присутствовало, но посланник накрыл его большим пальцем, объясняя караульному порядок передачи. Мирон молча убрал ладонь от ниши. По его лицу ничего не удалось прочесть; стало слышно, как под галереей отмеряют ткань деревянной линейкой.

Сказала, что моя подпись относится к разрешённой пробе, а не к изъятию разметки. Носитель ранен. Для любых действий с живой ветвью нужен лекарь. Старший караульный тихо попросил не спорить здесь и предложил спуститься во двор, где бумаги можно будет сверить без публики.

— Передачи не будет, — сказал Мирон.

Тот, что стоял возле перил, вытянул из рукава короткий стержень. Человек с обгоревшим рукавом положил два пальца на бумажную полоску у его основания. Между ними натянулась красная нить. Старший караульный поднял руку, но посланник назвал его по имени и велел отвечать за невыполненное распоряжение перед начальником поста. Стражник задержался на полшага, затем отступил к лестнице. Посланник встал на его место.

Мирон не двинулся. Внизу мальчик пронёс рулон под самой галереей. Торговец велел ему зайти в лавку, а женщине с корзиной — отойти во двор. Посмотрела на перила и вдруг заметила, как близко к ним стоят ноги обоих практиков. Если Мирон ударит по всей площадке, люди окажутся прямо под ними.

Практик со стержнем зацепил левое запястье Мирона бумажной полосой. Её край лёг на старый надзорный знак под рукавом. Полоса стянулась петлёй, прижимая ладонь к боку. Мирон повёл плечом, петля потемнела. Стержень коснулся свежего соединения. Оттуда потянулся запах палёной бумаги.

Потребовала остановиться. В распоряжении не было разрешения выжигать удерживающую линию. Тот, у кого обгорел рукав, ответил, что снимает помеху обследованию. Его товарищ уже проводил общую нить вдоль перил к нише. Между узлами под столбами вспыхнули короткие перемычки.

Мирон велел убрать руку от стержня. Голос у него изменился, и на миг показалось, что практик послушается. Вместо этого бумага почернела ещё сильнее. Мирон выдохнул сквозь зубы. На моём запястье дёрнулась косая линия; камень прижался к боку, словно чехол внезапно стянули ремнём.

— Снимите петлю на кисти. Только наружную.

Посланник шагнул на верхнюю ступень. Молодой караульный попытался подняться к нам, но его остановили предъявленным листом. Пришлось подойти к Мирону вплотную. Ткань рукава закрывала край соединения; отодвинула её здоровой рукой и нашла знакомый стык. Такой уже разрывала в комнате пленника. Подвела нить под внешний слой, не касаясь старого знака.

Бумага расползлась под пальцами. Обожжённая кожа на собственной ладони отозвалась болью, но кисть Мирона уже поднялась. Он ударил снизу по стержню, изменив направление натянутой линии. Красный след прошёл по перилам, щепа брызнула во двор. Практик дёрнул руку на себя. Мирон перехватил его пальцы вместе со стержнем и вывернул наружу.

Хруст оказался негромким. Мужчина закричал, согнулся, а Мирон ударил его локтем в лицо. Кровь попала мне на манжет. Стержень выпал на настил. Прежде видела, как на учебных поединках ловят оружейную руку; здесь не успела даже отступить.

Человек с обгоревшим рукавом повёл нить поперёк прохода. Мирон заслонил меня и ногой отбросил стержень к стене. Левую ладонь выставил перед нами. Удар скользнул по короткому полю и врезался в крепление перил. Доски под ногами дёрнулись. Из лавки снизу донёсся грохот.

Практик перехватил оборванный конец и шагнул вдоль перил, заходя за край поля. Мирон повернулся следом. За его плечом открылась лестница, но посланник уже двигался наперерез. Попыталась отступить к нише — камень на поясе рванулось в сторону Мирона. Пришлось вернуться к нему вплотную. Для широкого удара места не было: внизу мелькнула голова торговца.

Мирон подхватил меня под локоть и шагнул прямо к посланнику. Тот схватил его за ворот. Мирон просунул предплечье под чужую руку, прижал противника к лестничной стойке и выдохнул, оттесняя его с верхней ступени. Плечом ударил ещё раз — хватка разжалась. Проскользнула между ними боком. Молодой караульный протянул руку, помогая сойти с покосившегося настила. За спиной хлестнула нить; Мирон спускался следом, оставляя ладонь повёрнутой к галерее.

Под галереей затрещала опора. Дерево ломалось долго, с отдельными щелчками, и каждый раз хотелось решить, что на этом закончится. Потом наружный край площадки просел. Мирон резко притянул меня к лестничному столбу. Сверху посыпалась штукатурка, под ней рухнули доски, закрыв вход в лавку.

Внизу закричал хозяин. Женщина с корзиной упала на колени возле стены и закрыла голову. Молодой стражник сбежал к ней, а старший отталкивал людей от навеса. Сквозь пыль было видно, что край галереи висит на перекошенной балке. По её креплению ещё тянулся красный след общей нити.

Мирон провёл меня по уцелевшей площадке к боковому проёму. За ним начиналась каменная лестница, выводившая в соседний переулок. Потянул дверь, проверил нижнюю ступень. У его ног лежал кусок перил, и пришлось переступить через него, прежде чем удалось заглянуть внутрь. В тесном проходе пахло холодной кладкой. С улицы доносились колёса.

Здесь можно было выйти, посадить Мирона в экипаж и позвать лекаря. Подумала об этом с таким облегчением, что сразу шагнула к двери. Из-под обвалившегося настила раздался детский голос. Хозяин лавки бросился к завалу и принялся отрывать доску от дверной рамы.

Мирон отпустил ручку и посмотрел вниз. Потом попросил держать камень ближе и спустился к лавке. Дверь в переулок осталась открытой. Подхватила сумку, чтобы не выронить тетрадь, и пошла следом.

Мальчика было слышно за прилавком. От рухнувшей галереи часть потолка лавки опустилась, заперев его в проходе между стеной и рулонами. Отец добрался до головы и плеч, но вытащить не мог: поперёк пола лежала расколотая рама. Над ней под углом висела балка.

Мирон поднял левую руку. На несколько мгновений ничего не произошло. Потом край балки дрогнул и остановился выше, чем лежал. На лице у него выступил пот. Он попросил хозяина не тянуть ребёнка за плечи, пока не освободят ноги, и велел караульному подвести подпорку под уцелевший край потолка.

Торговец вытащил из-за прилавка брус. Молодой стражник подхватил его, вдвоём пристроили под балку. Длина оказалась мала. Хозяин метнулся к соседней лавке; оттуда вынесли ещё два деревянных клина. Мирон стоял у косяка, удерживая край. Повязка на его груди темнела у самой ключицы.

Мне нужно было освободить боковую створку лавки: через неё мальчика можно было вытащить, не протаскивая под расколотой рамой. Печатный запор на направляющей заклинило от перекоса. При попытке поднять створку зубец снова входил в паз. Хозяин показал рычаг, но его выворачивало из рук.

Такой запор стоял на кладовой Палаты. Присела у нижнего края, положила пальцы на металлическую пластину и нашла пружинную ветвь. Её можно было отвести, пока остальные поднимут створку. С первого раза не вышло: нить соскользнула, обожжённое запястье прострелило болью. Упёрлась плечом в косяк и попробовала снова.

Зубец отошёл. Торговец и стражник приподняли створку, под неё удалось просунуть край прилавочной доски. Мальчик перестал кричать и часто дышал ртом. Позвала его:

— Ногу вытягивай, слышишь? Не торопись.

Хозяин наклонился ближе, придерживая его за спину. Из-под доски показался носок туфли. Отец попросил караульного взяться ниже, под колени.

Сверху заскребла подошва. Практик с обгоревшим рукавом крепил оборванную нить к уцелевшему столбу. От балки до него было несколько шагов вверх, за пределами короткого поля. Он затянул узел и потянул на себя. По висящему краю галереи прошла дрожь. Мирон переставил ногу, упершись в нижнюю ступень, и удержал балку. Практик отпустил слабину, выждал и снова поднял руку.

Мальчик попытался развернуться к отцу. Рама прижала ему штанину, из-под дерева не выходила нога. Попросила его замереть и сама отвела пружинную ветвь до упора. Удалось отыграть ещё немного высоты. Хозяин просунул обе руки под створку.

Красный конец ударил сбоку. Мирон вскинул правую ладонь, отвёл часть удара, но второй след прошёл по левому плечу. Ткань разошлась, кровь брызнула на дверную раму. Балка опустилась на толщину пальца. Пришлось зажать пружинную ветвь всей ладонью, иначе створка придавила бы доску и закрыла проход. Закричала торговцу, чтобы тянул сейчас. Он уже держал сына под спиной.

Мирон согнулся, но руку не убрал. Торговец крикнул стражнику, и они разом потянули мальчика к двери. Подпорка заскрипела. Ноги показались из-под рамы; караульный подхватил ребёнка и попятился во двор. Отец схватил со стола сложенную ткань, набросил ему на плечи и ушёл следом.

Только когда мальчик оказался возле соседней стены, отпустила запор. Створка села на подложенную доску. Мирон отступил от балки. Его левая рука опускалась медленно, словно повисшая на ней тяжесть ещё оставалась. Дерево легло на клинья, потолок больше не проседал.

Практик наверху снова поднял кисть. Мирон шагнул к лестничному столбу, развернул правую ладонь и ударил коротким полем по креплению нити. Щепки взметнулись к его лицу. Натяжение исчезло; нападавший отшатнулся и ухватился за остаток перил. За его спиной показался посланник. Он держал за локоть товарища с вывернутой рукой и тянул к дальнему выходу.

Мирон смотрел им вслед, дыша с открытым ртом. Подумала, что сейчас пойдёт наверх, и схватила его за край рубашки. Он посмотрел на мои пальцы, потом сел на нижнюю ступень. Камень на поясе перестал давить. Из разошедшегося рукава на дерево капала кровь.

Во дворе уже появились люди с городской перевязью. Старший караульный пытался объяснить им, кто предъявил распоряжение. Торговцы показывали на галерею, перебивая друг друга. Женщина с корзиной поднялась и собирала рассыпавшиеся яблоки. Мальчик сидел возле отца, держась обеими руками за кружку. У него дрожал подбородок.

Попросила принести чистую ткань. В первой же лавке нашёлся бинт, а женщина из соседнего ряда послала за лекарем. Пока караульный помогал Мирону снять плащ, пришлось отвернуться: рукав прилип к ране. От запаха крови подступила тошнота. Сделала несколько вдохов и вернулась к нему с раскрытым свёртком.

Мирон попросил разрезать рукав по шву, придерживая ворот правой рукой. Караульный нашёл ножницы. Пока резали, смотрела на выгнутую дверную раму. Ночной рисунок лежал в сумке, а настоящая ниша теперь скрывалась за проломанным настилом.

Из соседнего переулка пришёл лекарь с потёртой сумкой. Сначала велел отвести ребёнка в целую лавку, затем присел перед Мироном. Приподнял промокший рукав и спросил, где пришёлся удар. Мирон показал. Дальше отвечал коротко, почти не открывая глаз. Лекарь прижал к плечу салфетку. Когда Мирон попробовал поднять руку, ткань снова пропиталась кровью.

Придерживала салфетку, пока лекарь работал. Он затянул крепление, оставив руку на перевязи. На вопрос о возвращении разрешил ехать сидя, с остановками по необходимости. Работу плечом запретил. Мирон взглянул на остатки галереи, потом на свои пальцы. Поднимать руку для проверки больше не стал.

Лекарь осмотрел и мою руку. Ночной ожог покраснел по краям, возле рисунка засохла грязь. Перевязал заново и велел передать Серафиме, что линия работала под нагрузкой. Показала края рисунка, чтобы ничего не прижать туже нужного.

Молодой караульный принёс воды. На рукаве у него осталась пыль с потолка, костяшки были содраны. Он попробовал спросить Мирона, кого удалось разглядеть наверху, но тот вместо ответа потребовал записать, что делал человек с распоряжением. Старший стражник уже

давал показания городской страже. Название Алой Нити произносил осторожно, всякий раз уточняя, что бумаги имелись.

От этого Мирон открыл глаза. Сказал, что бумаги найдутся и на его новую повязку, если понадобится представить её частью дозволенного обследования. Попросила поберечь дыхание, пока лекарь закрепляет перевязь. Он повернулся ко мне.

— Ваша Палата им всё и разрешила. Вы только подпись ставите, а вытаскивать потом приходится из-под досок.

Вода из чашки плеснула на пальцы. Поставила её на ступень, прежде чем отвечать.

— Я сняла петлю. И держала створку. Когда говорите со мной, вспоминайте и это.

Мирон посмотрел на руку. Повязка на запястье ещё не успела высохнуть. Добавила, что за собственную подпись отвечу, но от него хочу услышать и о тех, кто пришёл с нитью, и о тех, кто отступил перед печатью. Он сжал губы. Лекарь велел не двигаться, и некоторое время разговор прерывался только шорохом бинта.

Потом Мирон сказал, что Иларии нужна работающая карта. Пока от неё есть польза, она будет добиваться нашего возвращения. Алой Нити нужен сам способ: возможность перенести живую разметку и читать пути, не завися от прежнего носителя. Сомовых, по его словам, вполне устроит исчезновение и карты, и Вереска.

На вопрос о распоряжении Мирон ответил, что такого листа прежде не видел. Интерес школы ему знаком, а кто приказал этим троим, предстоит выяснить. Когда спросила о Ло Цзине, старший караульный перестал листать журнал. Слова Вереска записала отдельно от увиденного.

Напомнила о вчерашнем нападении. Тогда карту выжигали сразу. Сегодня пытались получить её под видом проверки, хотя гибель носителя лишила бы школу того, за чем пришли. Мирон подтвердил, что методы различались. На вопрос, не означает ли это разные приказы, ответил, что Илария не обязана знать всё, что делают люди союзного дома. После этого замолчал и попросил помочь подняться.

Не стала продолжать расспросы над свежей раной. Но имена записала, оставив возле каждого место для проверки. До утра казалось, что служба у Иларии защитит нас хотя бы от чужих придворных поручений. Старший караульный, уступивший человеку с настоящей печатью, стоял в двух шагах. Теперь ещё и его предстояло просить подтвердить, что случилось.

Хозяин лавки подошёл, когда лекарь собирал сумку. Сын уже сидел у соседей, пил воду и ругался на попытку промыть царапину на колене. Отец поблагодарил Мирона и спросил, кому предъявлять счёт за галерею. Тот посоветовал потребовать копию распоряжения у Алой Нити. Торговец нахмурился, затем вынул из кармана сложенный расчётный талон.

Утром служащий дома внёс плату за час пользования площадкой: якобы придут проверять опору. Хозяин принял нас за ту же проверку. На талоне стоял знак школьного расчётчика и номер записи. Оплаченное время начиналось до нашего приезда.

Попросила сохранить талон. Торговцу требовалось сначала сверить его с книгой, а Мирона уже ждали возле экипажа. Объяснила, что за записью придёт Нина Климова, моя помощница. Хозяин назвал лавку, где его можно будет найти после разбора завала, и убрал талон обратно. Городской стражник записал его имя и номер платежа.

До экипажа Мирон дошёл, опираясь на караульного. Шла рядом с другой стороны. На спине у него проступил пот, левая рука висела неподвижно. Обернулась у дверцы: торговец уже освобождал проход вместе с соседом. Сын сидел в стороне, придерживая кружку коленями.

По дороге Мирон не разговаривал. На толчках лицо у него менялось, и хотелось велеть вознице ехать медленнее, хотя тот и так выбирал край мостовой. Остаток красной бумаги прилип к моему манжету. Сняла его и положила между страницами тетради. Под ним обнаружилось маленькое пятно чужой крови.

Во дворце Серафима сама повела Мирона к постели. Села рядом с ширмой. Серафима ослабила бинт и долго смотрела на плечо Мирона. Повреждена линия, через которую он разводит поле. Удержать широкий участок теперь будет трудно, а попытка через боль ухудшит рану.

Выложила тетрадь. В неё набилась пыль, на углу рисунка засохла красная точка. Опора была найдена, нижнюю риску удалось проверить. Утром эти строки обещали хорошее начало поручения. Теперь не могла перейти к тому, что произошло потом.

Нина принесла бумагу и служебное зеркало в запечатанном футляре. Попросила помочь восстановить последовательность событий. Пока писала, Нина придерживала страницу и уточняла время со слов караульного.

Перечислила свидетелей, описала распоряжение и ссылку на мой допуск. Дальше — новая петля, выжигание и ответный удар Мирона. Про сломанные пальцы написала тоже. Легко было представить, как именно эту подробность прочтут в Палате. Поставила подпись под полным текстом.

Серафима приложила запись о плече и ожогах. Нина сняла копию, а мне вернула исходник. Убрала его в сумку; второй экземпляр попросила оставить у независимого писца. Сегодня хотелось иметь запись, до которой не доберутся между моим столом и распорядителем.

Лада пришла со свёртком чистой одежды. Посмотрела на подол, на повязку и положила платье рядом, не начиная с вопросов. После перевязки помогла застегнуть рукав. Её пальцы задержались на моей кисти.

На имени Алой Нити подруга нахмурилась и спросила о распоряжении. Лист посланник унёс с собой, но номер удалось запомнить. Лада сверила запись со словами караульного и обещала проверить выдачу допуска.

Нина раскрыла футляр и поставила зеркало на стол. Из стекла ответил дежурный писец Палаты. Я поднесла подписанные листы, дожидаясь, пока на другой стороне снимут запись. Писец повторил номер свидетельства и попросил подождать пересказ для надзора.

В появившемся тексте сначала не узнала наше дело. Проверку называли согласованной. Люди Алой Нити значились дополнительным сопровождением. Возражения Вереска стали попыткой сорвать осмотр, обрушение — последствием сопротивления. Мальчика упомянули как извлечённого из опасной зоны.

Внизу стояла ссылка на утреннее подтверждение безопасности с моим именем. Ограничение чтения исчезло. Поднесла свою копию к стеклу и потребовала показать, где разрешено сопровождение школы. Писец замялся. Сводку прислали из надзора с указанием основания; сам он её не составлял.

Потребовала сохранить обе записи и прислать прежний текст со временем правок и именами тех, кто их вносил. Лада продиктовала номер допуска. Писец принял запрос, но срока ответа назвать не смог.

Зеркало погасло. За ширмой Серафима подкладывала Мирону под локоть подушку. Донёсся его сдержанный выдох. Лада повернула лист ко мне и сказала, что с обвинением всего дома торопиться нельзя.

Нужно проверить распоряжение и установить участников. Если назвать Ло Цзина заказчиком, а трое действовали иначе, чем им поручено, Палата начнёт с моей ошибки. Голос у Лады был тот, с которым она обычно помогала выбраться из неприятного разговора. Хотелось согласиться.

Ответила, что приказа Ло в свидетельстве нет. Есть выжженная петля, удар и разрушенная галерея. Лада посоветовала не позволять чужим словам втянуть меня в родовую ссору. Между нами лежал лист, по которому уже выходило, что сторону выбрала сама.

Подруга предложила поговорить с Немировым. Согласилась передать ему расхождение, но исходник оставила у себя. Нина свернула копию и поехала в город: к писцу и за талоном к торговцу. Лада принесла мне поесть.

К вечеру Нина вернулась с отметкой независимого писца и талоном. Торговец сверил его с книгой, подписал оборот и оставил копию у себя. Школьный платёж совпадал с записью во дворе. Помощница положила документы рядом с рисунком.

В форме из Палаты уже была приготовлена строка: проверка проведена, существенных нарушений не установлено. Перечеркнула её. Ниже написала, что исходное свидетельство и переданный пересказ расходятся, запрос о правках остаётся открытым. Указала номер дела, приложила копию талона и прижала к бумаге пальцы. Знак моей нити проступил не сразу.

Глава 5. Подпись под чужой свадьбой

Аглая

На третий день Серафима назначила перевязку к утру. Я принесла исходный отчёт о Шёлковом проезде и положила его возле лекарской сумки. За ночь из Палаты так и не прислали ответ на запрос о правках. Хотелось хотя бы здесь услышать, что написанное верно: галерею разрушили у меня на глазах, и сомневаться в этом после чтения зеркальной сводки было унизительно.

Мирон сидел у окна лечебницы. Левую руку Серафима высвободила из перевязи и придерживала за локоть, пока снимала ткань. На груди повязка оставалась почти чистой, зато плечо распухло. Он смотрел на раму окна. Только когда лекарь коснулась края раны, пальцы правой руки крепче сжались на краю сиденья.

Лечебный камень принял часть нагрузки, но поднять руку выше Мирону всё равно не позволили. Серафима объяснила, что рана затронула путь, которым он держит границу поля. Короткий отклик ещё возможен; растянуть его через боль — значит снова повредить плечо. Длинное ночное чтение она запретила, не дожидаясь вопроса.

Своё запястье показала следом. Ожог подсох, и некоторое время удавалось держать перо, не замечая повязки. Серафима велела обновить мазь и напомнила о перерывах. Пока она проверяла камень на моём поясе, Мирон пытался застегнуть ворот одной рукой. Придержала край рубашки, чтобы не тянуло рану. Он тихо попросил ещё одну пуговицу оставить открытой.

Отчёт Серафима прочла стоя. На строке о школьном распоряжении задержалась, затем вернула лист. Сказала, что подобное расхождение ей знакомо: в брачном заключении всё допустимо, а человек после обряда не может дойти от двери до постели. Прежде она посылала запросы в Палату. Чаще получала ответ о пережитом волнении и необходимости отдыха.

Спросила, сохранялись ли измерения. Лекарь достала узкую тетрадь и показала несколько записей. Данные были неполными: людей приводили после разных обрядов, с разным расходом. Однако в двух случаях отбор продолжался и после прекращения совместных снов. Серафима не называла это общим правилом. Ей нужен был доступ к действующим узлам, а не ещё один пересказ разрешения.

Захотелось спросить, почему об этом не говорили на совещаниях. Посмотрела на даты и промолчала. Некоторые запросы ушли ещё до моего назначения. Нина переписала номера. После вчерашнего легче было сердиться на чужую сводку. Эти записи требовали уже другой работы.

В приёмной ждала женщина с маленькой дорожной сумкой. Она поднялась, едва Серафима открыла дверь, но тут же опустилась обратно на стул. На соседнем стуле лежал сложенный лист. Женщина пододвинула его к себе, освобождая место Мирону, и внимательно посмотрела на нижний угол отчёта, который оставался у меня в руке.

— Это ваша печать?

Подтвердила. Она раскрыла свой лист и показала нижний угол. Знак был тот же, чуть смазанный у края. Над ним стояло имя: Дарья Ветлина. Вспомнился корешок дела, мелькнувший перед разговором с Иларией. Саму женщину вспомнить не удалось.

Дарья узнала и Мирона. Он спросил, как она добралась. Ответила, что на повозке до площади, дальше пешком; на лестнице пришлось остановиться и передохнуть. От Дарьи ожидала хотя бы нескольких слов о том, как Мирон помог ей уйти. Дарья спросила Серафиму, сможет ли сегодня остановить то, что продолжает забирать силу.

Дарья сняла с запястья платок. По коже шла тёмная полоса с уплотнением возле кости. Серафима приложила камень, следила за свечением и попросила медленно разжать пальцы. Дарья справилась со второго раза.

Она объяснила, что после бегства из свадебной повозки сначала стало легче. Потом вернулась слабость. Отдельно спать оказалось недостаточно; с каждым утром сил становилось меньше. Ей нужно было понять, что ещё действует и можно ли это снять. Доказывать словами, что жених плохой человек, она не предлагала.

Попросила разрешения посмотреть полосу. Под пальцами ощущался отток силы, но проследить его до конца без подготовки не получилось. Ветвь ныряла глубже возле уплотнения. Серафима остановила попытку, поставила рядом малую опору и облегчила нагрузку на время осмотра. Дарья выпрямилась и смогла убрать сумку с прохода.

Для полного обследования требовались её брачные бумаги и свободная опора с контрольным образцом. Ближайшая городская лекарка могла принять на следующий день. Нина записала время. Дарья сказала, что до утра ей есть где остаться, но за нынешний ночлег уже нечем платить. Серафима велела сегодня больше не ходить пешком и дала временную поддерживающую пластинку.

Спросила, к кому обратиться за её делом. Дарья назвала номер, а свой лист сложила обратно. Согласилась показать бумаги при обследовании. Мирон сидел в соседнем кресле, поддерживая левую руку правой. Ничего добавлять за неё он не стал.

По дороге в старое крыло попросила Нину найти исходные измерения по Ветлиной. Сама собиралась разобраться, что было разрешено и что сделали потом. Признать ошибку при чтении карты оказалось неприятно, но там всё случилось на глазах. Здесь ещё хотелось надеяться, что моя работа была выполнена верно.

После полудня Лада принесла пропуски на закрытую подготовку придворных пар. До помолвки Елены оставалось несколько недель; Палата проверяла связки при представителях домов. Нине предоставили место у измерительного стола.

Первым делом спросила Серафиму о Мироне. Отойти от него на такое расстояние пока не могла. Он согласился поехать, если найдётся кресло. Лада устроила место в служебном углублении за неглухой перегородкой, рядом с моим стулом. Лекарь проверила связь и разрешила короткое посещение.

Караульные остались возле Мирона. Села у прохода, чтобы видеть его перевязь. Лада предложила сперва осмотреться. На длинном столе стояли парные опоры; знакомые измерительные камни успокаивали больше, чем хотелось признавать.

Первыми работали мужчина и женщина из младших ветвей двух домов. Резерв им требовался для прохода в родовую обитель: один держит путевой фонарь, второй принимает часть расхода. Служащая узнала меня и подвинула пластину. Женщина подняла фонарь. На первой линии вырос расход, на второй появился плавный ответ. Когда мужчина коснулся сигнального кольца, передача прекратилась. Повторили с её остановкой — фонарь снова погас. Нина получила контрольный шнур из той же партии.

Поймала себя на облегчении. После последних дней любое соединение начинало казаться подозрительным. Здесь приём работал, как учили. Можно было показать каждую линию и объяснить, зачем она нужна. Хотелось той же ясности для Дарьиного запястья.

У соседнего стола готовили добавку к брачному резерву. Молодой мужчина держал ладони на опоре, женщина постарше следила за нитью у основания. Лада объяснила, что он входит в её родовую ветвь. При переходе в обитель часть нагрузки придётся принять общему источнику дома.

На пластине проступил ещё один ход. Он уходил от малого резерва к тяжёлому камню за столом. Спросила, можно ли остановить именно эту часть. Мужчина коснулся своего кольца. Короткая линия погасла, длинная осталась. Женщина у основания повернула небольшую пластинку — только после этого исчез и второй след.

Попросила повторить пробу, на этот раз с остановкой всей передачи по знаку младшего. Старшая оставила ладонь на пластинке и спросила, с какой стати родовая опора должна подчи-

няться человеку, который ещё не вошёл в дом. Распорядитель потянулся убрать измерительный лист. Придержала край. На нём оставалось имя мужчины, сжимавшего кольцо.

Объяснила, что проверяю его возможность остановить собственный расход. Женщина ответила, что за переход отвечает её дом. Принимать чужого родственника с условием, что он в любую минуту бросит общий путь, она не намерена. Молодой мужчина открыл рот, но она повернула к нему пластинку, и он умолк. До этой минуты хотелось получить ещё одно измерение. Теперь нужно было решить, оставлять ли вопрос при всех.

Глеб Сомов подождал, пока закончу, и поздоровался с Ладой. Затем попросил распорядителя вернуть лист.

— Если этот вопрос останется до помолвки, свидетелей будет больше, — сказал он старшей. — Сейчас ответить проще.

Старшая убрала ладонь. От сына Иларии ожидала любезности; оказалось, нескольких его слов хватило, чтобы мне снова позволили работать.

Перед повтором настояла на отдыхе: младший уже потерял больше, чем участники первой пары. Глеб отодвинул подставку, мешавшую положить тетрадь, и сам подозвал служителя с водой. На короткой пробе нижняя связь и после сигнала кольца не разомкнулась. Старшая прекратила её своей пластинкой и потребовала записать, что действовала по просьбе сновидицы. Записала. Рядом оставила результат: самостоятельно остановить отбор младший не смог. Глеб прочёл обе строки, ничем не выдав, какая ему понравилась больше.

О Шёлковом проезде он слышал. Сказал, что мальчику повезло. Затем заметил: Вереск умеет оставлять свидетелю самое впечатляющее. Сперва видишь спасённого, о тех, кому вмешательство обошлось дороже, узнаёшь позже.

— Убедительная жертва ещё не делает убедительным весь рассказ, — сказал он.

Вспомнился хруст пальцев на галерее. Сказала, что повреждённая кисть описана в моём свидетельстве. Глеб кивнул, будто именно такого ответа и ждал. Он не предлагал зачеркнуть спасение мальчика. Просил лишь не позволять одному поступку решать за меня всё остальное.

Спросил, не мешает ли Мирон работать. За перегородкой виднелся край перевязи. Ответила, что мешают рана и узел. Глеб напомнил о только что убранном листе: нужное измерение ещё приходится защищать от тех, кому оно не понравилось. Если потребуется человек для разговора на совете, он готов выступить. И с охраной поможет, без лишнего шума для моей должности. Вопросы можно передавать прямо ему.

От последних слов стало теплее, чем от заботы о руке. О должности обычно напоминали иначе. Попросила помочь получить прежний текст зеркальной сводки. Глеб пообещал выяснить, где задержался запрос.

Для Ло Цзина освободили место в передней части зала. Он положил на стол длинный клинок в ножнах и попросил первую пару поднять фонарь. Соединил подготовленные нити: свет удержался, расход уменьшился. Мужчина коснулся кольца — передача оборвалась.

Ло показывал спокойно, не торопя людей. После вчерашней галереи хотелось найти в его действиях что-нибудь грубое. Нить ложилась точно. Пара по его просьбе повторила приём самостоятельно, фонарь снова засветился.

К распорядителю подвели младшую учебную группу. Двое молодых мужчин встали у одной опоры, третий принял их сигнальные концы. Первым подал знак тот, что стоял ближе к нам. Нагрузка не прекратилась. Старший задержал соединение, пока второй выравнивал поток; на лбу первого выступил пот.

Линь Цзе подошёл со стороны окна. Имя прозвучало, когда распорядитель попросил его проверить нагрузку. Он посмотрел на опору, затем на пальцы ученика и сам снял дополнительный виток. Молодой мужчина качнулся, но удержался. Линь поставил перед ним воду, а старшему указал на погасшую отметку.

— Предел нагрузки уже превышен. Добавлять было нельзя.

Старший начал объяснять, что хотел закончить рисунок. Линь велел сначала вернуть человеку ровное дыхание, потом показал, где следовало остановиться. Ло посмотрел на исправленную связку и кивнул. Виток на место не вернули, однако сигнальные концы снова отдали старшему группы.

Нина записала оба отклика. В первой паре каждый прекращал передачу сам; в учебной группе знак прошёл через чужую руку и задержался. Разница осталась на пластине.

Попросила передать Ло вопрос о вчерашнем распоряжении. Он выслушал номер и предложил оплатить лечение, а счёт за галерею передать школьному расчётчику. Для этого происшествие следовало разобрать между участниками, не вынося родовой спор ко двору. Ответила, что счёт передам, а свидетельство останется у писца.

Ло посмотрел на меня внимательнее. Сказал, что действия посланных проверят по записям; объявлять всю школу виновной со слов одной стороны он не позволит. Напомнила, что прошу назвать выдавшего распоряжение. Имени он не назвал. Распорядитель уже двигал к нам следующую пару, и пришлось отойти, оставив свой вопрос открытым.

Посещение затянулось. Мирон поддерживал перевязь правой рукой. Предложила уехать. На выходе Глеб придержал дверь, Лада позвала караульного. Камень нагрелся; пришлось подождать, пока Мирон окажется рядом.

В экипаже рассказала Мирону о первой паре: оба могли остановить передачу, расход после сигнала возвращался к исходному. Он попросил показать рисунок, посмотрел и сказал, что Ло умеет учить. Ожидала возражений. Вместо них Мирон указал на точное соединение, которое помогло уменьшить расход. Лист пришлось развернуть, чтобы рассмотреть ещё раз.

На следующий день Дарья ждала нас в доме Свободных дверей за Суконной площадью. Доехали вместе с Ладой; Нина привезла дело и контрольный шнур. Мирону поставили кресло в той же комнате, у окна. Караульные остались у двери, и хозяйка дома попросила их не заслонять лестницу: по ней носили воду с первого этажа.

Дарья разложила бумаги, убрала свёрток с запасной рубахой на колени. Сегодня выглядела бодрее: с пластинкой Серафимы смогла сама дойти к завтраку. К утру снова потянуло возле печати. Лекарка попросила снять пластинку перед измерением и поставила опору.

Пока готовили приборы, Дарья рассказала о вывозе. Перед переездом к жениху ей закрепили предварительную связь. Обещали, что добавка потребуется для первого прохода в родовую обитель. Потом от неё начали требовать совместного сна и передачи силы раньше назначенного срока. Попытку отказаться приняли за испуг перед свадьбой.

К переезду Дарья сначала готовилась сама. Выбрала ткань для занавесок в будущую комнату. На осмотре спрашивала, сможет ли работать после соединения. Ей ответили, что страховка понадобится только на время первого прохода. Эти слова она повторила, глядя на свой лист.

В повозке она сидела напротив женщины из дома жениха. Та следила, чтобы Дарья не закрывала печать рукавом и не выпускала из руки дорожный камень. Мирон остановил вывоз у заставы. Вытащил удерживающую пластину из дверного крепления и вывел её на дорогу. За ним гнались, поэтому идти в город пришлось с другим человеком из Свободных дверей.

Дарья спросила, нужно ли ещё что-нибудь о повозке. Уточнила, удалось ли снять второй носитель в её присутствии. Она покачала головой: камень жениха остался у его людей. На её запястье после побега исчез один узел, тёмная полоса сохранилась.

В деле нашлась моя запись. Почерк был аккуратнее нынешнего, буквы заканчивались короткими росчерками. Внизу — оговорка о наблюдении после переноса. Выше — разрешение продолжить подготовку с договорной добавкой.

Прочла её описание. «Страховка от несовместимости при входе в родовую обитель». Под этим объяснением лежали собственные измерения: часть расхода оставалась без подтверждённого назначения. Тогда сохранила пометку для следующего чтения. Подготовку не остановила.

Дарья спросила, нашлась ли нужная запись. Хотелось перечитать весь договор и отыскать момент, после которого условие изменили. Но передо мной было собственное разрешение.

— Подпись моя. Я разрешила подготовку с этой добавкой.

— Тогда напишите, что она делает сейчас. — Дарья положила на стол открытую ладонь.

Нина подвинула пластину. Сначала проверили контрольный образец: сигнал давал короткий отклик и прекращал передачу. Затем Дарья положила руку у камня. Линия расхода появилась сразу. Дарья бодрствовала и сигнала не подавала.

Попросила закрыть доступ привычным движением. Дарья провела пальцами по небольшому светлому кольцу возле печати. Верхний след погас, нижний продолжил уходить к уплотнению. Такой отклик вчера видела у младшего участника, связанного с родовой опорой. Здесь он сохранялся и без действующего прохода в обитель.

Нина сопоставила отклик с образцом и старым листом. Рядом с первоначальной дугой легла длинная линия, которой в страховочном режиме не было. Лекарка повторила проверку другим камнем. При попытке Дарьи закрыть всю связь расход лишь уменьшался.

Записала её движение и оставшийся отклик. Рука у Дарьи дрожала. Подложила ткань под локоть, попросила передохнуть. Мои слова о несовместимости стояли на соседней странице.

Попросила Нину прочесть старую оговорку вслух. Слушала знакомую формулировку и вспоминала, как легко произносила её на совещаниях. Дарья терпеливо ждала, пока закончим с бумагой.

Лекарка подвела малую опору к внешней ветви и показала, где допустимо ослабить отбор. Основной носитель оставался у жениха. Без него полностью снять связь она не обещала, зато местную нагрузку можно было уменьшить и удержать на время поиска. Дарья сразу спросила, на сколько хватит опоры и сможет ли она после этого работать.

Сначала нужно пережить сутки и проверить, не усиливается ли расход с другой стороны. Пока лекарка готовила ограничитель, составила свидетельство. Указала старое разрешение и результат обеих проб. Нина подставила страницу под подпись врача.

Когда ограничитель лёг возле печати, Дарья разжала пальцы. Несколько раз провела ими по столу и спросила, можно ли уже встать. Лекарка разрешила ненадолго. Дарья сама перенесла сумку к стулу, вернулась, села и стала расспрашивать о следующем осмотре. До этого каждое движение приходилось прерывать.

За независимое измерение и сутки работы опоры требовалась плата. Дарья раскрыла кошелёк, посмотрела внутрь и снова закрыла. Сказала, что нашла место в лавке, но там нужно стоять за прилавком несколько часов. До лечебницы едва добралась — пробную смену пока пришлось отложить. Хозяин согласился подождать два дня.

Попросила показать счёт. На оплату ушла бы почти треть месячного жалованья. Нужные деньги были с собой: откладывала на новый дорожный плащ и до сих пор не выбрала ткань. Пересчитала монеты, положила перед лекаркой. В квитанции велела указать своё имя и оплату первичного обследования вместе с временной опорой.

Дарья спросила, придётся ли возвращать деньги. Ответила, что за эту проверку — нет. Дальнейшее лечение обсудим после поиска носителя. Она попросила копию для распорядителя брака. Отдала, когда высохла подпись врача.

Мирон оставался возле окна. Пока убирала бумаги, придержал стопку здоровой рукой. Сверху лежала квитанция. Он прочёл сумму и вернул лист. Захотелось объяснить, почему заплатила. Застегнула сумку, не дожидаясь вопроса.

Тимофей Лосев, ведавший местами в домах Свободных дверей, пришёл к концу осмотра. Уточнил, сколько времени нужна опора, и предложил Дарье остаться до повторной проверки. Место нашлось на неделю.

Дарья спросила, можно ли запирать вещи и уходить утром в лавку. Тимофей показал ящик, выдал ключ. Жить предстояло в одной комнате ещё с двумя женщинами; с ними он обещал поговорить сам. Потом нужно будет искать другое место.

Когда Дарья вышла в коридор, Мирон спросил о следующем осмотре. Ответила, что пока оплачены первое обследование и временное ослабление отбора. Для дальнейшей работы понадобится носитель, оставшийся у жениха.

Плечо беспокоило его ещё по дороге. Лекарка поправила перевязь, посмотрела на след крови и велела не держать локоть на весу. Помогла придержать узел, пока лекарка подкладывала салфетку. Мирон сидел неподвижно, правой ладонью упираясь в край стула. От близости снова стало трудно говорить так спокойно, как собиралась.

Спросила, куда обычно уходили люди после сорванного вывоза. Мирон назвал Свободные двери и несколько знакомых, которые давали ночлег. Уточнила, всегда ли там было место. Он помедлил. Тимофей, сидевший у стола, перестал перелистывать записи.

— Не всегда, — ответил Мирон.

Он искал ночлег, передавал деньги, возвращался, когда мог. До всех вернуться не успевал. Некоторые после побега лишались прежнего жилья. Он знал и всё равно сначала старался вывести.

Вспомнилась запасная рубаха, уступившая на столе место договору. Напомнила Мирону о печати, оставшейся у Дарьи после побега. Он ответил, что разомкнуть её носитель на дороге безопасно не мог.

Спросила, знал ли заранее, кто осмотрит человека и где тот переночует. Мирон резко уточнил, следовало ли оставить Дарью в повозке, пока найдётся кровать. Ответила, что ей нужны были и выход, и помощь после него.

Он отвернулся к окну. Затем признал: иногда принимал обещание ночлега за решённую задачу. Тимофей добавил, что пустых комнат у сети нет. Свободное место приходится искать у конкретных людей.

Первую опору Дарьи оплатили; продление ещё предстояло обеспечить. Постоянного лекаря на все дома тоже не было. На просьбу поселить её отдельно Тимофей покачал головой.

Предложила начать с печатей, относящихся к моей работе: смогу проверить условия и расход вместе с Ниной. Сложные ветви придётся отдавать лекарю. Мирон спросил, не потребуется ли для каждой бумаги разрешение Палаты.

Ответила, что собственную подпись смогу проверить и без особого поручения. Для остальных нужен запрос самого человека. Тимофей сразу предложил собрать несколько дел. Попросила сначала закончить с Дарьёй. Сегодня удалось оплатить одну проверку; обещать то же каждому не собиралась.

Мирон напомнил, что условия иногда остаются у брачной стороны. Попросила помочь узнать, где хранится второй камень. Он согласился поговорить с Тимофеем. Ответ передадут после следующего осмотра, даже если носитель пока не найдётся.

Лада ждала у лестницы. Дарья вернулась с ключом на шнурке и попросила Нину записать время проверки. Дарья поблагодарила Мирона за дорогу от заставы. Потом спросила Тимофея о выходе во двор.

Перед отъездом отвела Ладу к окну. Попросила не передавать адрес без согласия жильцов, особенно с именами и брачными делами. Подруга напомнила, что через надзор иногда проще получить защиту.

— Сначала спросим жильцов, — сказала. — Не передавай адрес без их согласия.

Лада поправила ремешок сумки. Ответила, что услышала и без разрешения не передаст. Нина позвала к экипажу. Мирон стоял возле дверцы, придерживая перевязь, и пришлось поторопиться с камнем.

К вечеру вернулись в старое крыло. Серафима осмотрела плечо, подтвердила, что завтра нужна новая перевязка, и велела Мирону лечь. Пока устраивался, поставила воду так, чтобы можно было дотянуться правой рукой. Квитанцию убрала в сумку рядом с бумажным отчётом о галерее. Кошелёк стал заметно легче.

Нина занялась копиями у стола. Села с другой стороны и открыла первоначальное заключение по Ветлиной. В новой записи указала, что предположение о безопасной страховке не подтвердилось: отбор действует вне совместного сна, полный отказ со стороны Дарьи его не прекращает. К измерениям приложила свидетельство городского лекаря.

Можно было ограничиться номером прежнего дела: подпись там и так сохранилась. Немиров совсем недавно хвалил мою выдержку. Представила, как он дойдёт до строки о допуске и поднимет глаза. Перо несколько мгновений оставалось над бумагой. Затем выписала собственное имя и указала, что именно разрешила продолжить.

Нина подняла голову, когда подошла с листом. Попросила направить исправленное заключение вместе с исходным, сохранив обе версии. Помощница проверила номера и задержалась на строке с моим именем. Я прижала пальцы к бумаге. Пока проступала нить, Нина подала конверт для отправки в Палату.

Глава 6. Непослушный локоть

Аглая

К назначенному часу Шэнь Жо ещё занималась со своими учениками. Я остановилась у входа во двор и поправила сумку, в которой лежал служебный веер. Его жёсткая рама обычно помогала развести рабочие нити перед чтением. Сегодня хотелось найти ей другое применение: не дать чужой руке добраться до моей прежде, чем успею отступить.

Мирон сел на скамью под навесом. По дороге он почти не разговаривал, берёг левое плечо. Караульные встали возле ворот. Из глубины двора доносились удары деревянных палок и короткие команды. Ни одного окна дворца отсюда не было видно, и от этого ожидание переносилось легче.

На площадке перед низким домом двое учеников работали у узкой дорожки. Женщина шагнула в сторону, палка прошла мимо рукава. Её партнёр сменил хват и остановил конец возле локтя. Она вернулась на прежнее место, посмотрела под ноги и начала снова. Шэнь стояла рядом с чашкой в руке. Когда ученица потянулась повторить движение, наставница попросила подождать и указала на сдвинувшуюся пятку.

О нас, судя по всему, знали. Девушка у ворот записала имена, посмотрела письмо Серафимы и предложила подождать окончания занятия. Серафима указала в письме рану Мирона и предел нагрузки. Сама собиралась приехать после утреннего приёма, к проверке двух опор.

Разглядывала дорожку. Приём выглядел простым: нужно уйти с линии удара, не вытягивая за собой рабочую руку. В Палате приходилось удерживать нить, когда пациент вскидывался во сне. До сих пор этого умения хватало. На галерее руки противника оказались быстрее моего решения.

Шэнь подошла, когда ученики убрали палки на стойку. Невысокая пожилая женщина, с убранными под ленту волосами и широкими ладонями, она сначала спросила Мирона, когда меняли повязку. Потом перевела взгляд на меня и предложила показать, как держу нить.

Раскрыла веер. Между двумя рёбрами провела короткий рабочий ход к камню в правой ладони. Свет поднялся и остановился. Шэнь попросила повернуть кисть. Получилось без потери отклика. Наставница кивнула и назвала обычную плату за занятие. Пользование малыми опорами считалось отдельно.

Плату за урок отсчитала из денег, оставшихся после Дарьиной проверки. Мирон спросил, можно ли зачесть ремонт крепления испытательной рамы в счёт части платы. Пока ждали, успел рассмотреть её под навесом. Шэнь велела сначала показать, что именно собирается делать, и запретила трогать тяжёлую перекладину.

Он указал на перекошенный держатель. Его можно было выправить, не снимая рамы, если помощник придержит планку. Наставница согласилась принять работу вместо части его платы. Шэнь поправила запись и отдала книжку девушке у ворот.

На площадку вышли с веером и камнем. Шэнь подала деревянную палку с обтянутым кожей концом, предложила осмотреть. Край был округлым, кожа мягкой. Вернула ей палку и встала там, где показали. Под подошвами чувствовалась шершавая доска, по обе стороны лежал утоптанный песок.

Наставница спросила, что сделаю при прямом ударе. Объяснила, как сокращу нить и уберу руку, поворачивая корпус с шагом. Даже показала направление. Шэнь выслушала, поставила конец палки возле моей кисти и попросила повторить по её движению.

Следила за её плечом и дыханием. В Палате по такому вдоху обычно удавалось угадать, когда человек дёрнется. Палка пошла вперёд. Кисть отдёрнула вовремя, но локоть остался на месте. Мягкий конец коснулся его сбоку. Камень мигнул и погас.

Захотелось попросить ещё раз, пока не успели ничего сказать. Шэнь сама отвела палку и кивнула. Во второй попытке убрала локоть, зато вес остался на передней ноге. Шаг вышел коротким, плечо повернулось раньше таза. Палка остановилась возле ребра веера. Стиснула раму, она щёлкнула и сложилась наполовину.

Камень выскользнул из правой ладони; Шэнь поймала его. Я снова раскрыла веер: у осевого винта сдвинулась скоба. Убрать его в сумку пришлось сразу. Для занятий наставница дала учебную рукоять с таким же проводящим ходом.

— Схему вы объяснили, — сказала она. — Теперь покажите ногой, где начало.

Посмотрела на свои туфли. За два шага удалось сдвинуться с дорожки, хотя собиралась уходить вдоль неё. Пришлось вернуться, поставить ноги заново и дождаться следующего движения. Мирон сидел у края площадки. Очень хотелось, чтобы хотя бы третья попытка вышла прилично.

Шэнь поднесла палку к левому предплечью. Рука сама потянулась уйти вправо, вслед за её выдохом. Она не стала продолжать удар, только посмотрела вниз. Передняя подошва опять вдавилась в доску. Переносить вес было уже поздно; ступня едва отрывалась.

Объяснила, что ловлю её движение. Наставница согласилась: ловлю. Только начинаю двигаться вслед за чужой рукой, пока собственная нога ещё занята. Предложила сперва убрать рабочую нить с пути палки, затем проверить, может ли корпус последовать за ней без рывка. Отвечать длиннее одного слова запретила: ей нужно было видеть шаг.

К следующей попытке подготовилась старательно. Выдохнула, разгрузила переднюю ногу, пошла в сторону. Палка снова коснулась локтя. На этот раз удивление оказалось таким явным, что Шэнь подняла брови. Локоть высунулся за край рукояти как раз тогда, когда казалось, что всё остальное уже сделано.

У Мирона дёрнулся угол рта. Хотелось сообщить ему, что с раненой рукой на скамье сидеть гораздо проще. Вместо этого попросила Шэнь показать сбоку. На чужом теле ошибка оказалась хорошо видна. На своём её ещё предстояло поймать.

Шэнь провела в песке две черты. Я переставила по ним ступни, и колено перестало тянуть в сторону. Наставница убрала удар: пока требовалось пропустить медленно движущуюся палку возле рукояти, сохранив свет в камне. Этот приём назывался Шагом пустого порога.

Сначала перенести вес, потом освободить место локтю. Когда торопилась сделать всё разом, рука убегала вперёд, а подошва цеплялась за дорожку. Начали так медленно, что успевала злиться на собственную ногу прежде, чем палка подходила к локтю.

С третьего медленного повтора камень не погас. От радости двинулась быстрее и задержала дыхание. Свет сразу стал неровным. Шэнь подождала, пока снова начну дышать, и вернула палку к исходной точке. На площадке было тихо; никто не торопил, кроме меня самой.

У локтя поставили лёгкую деревянную планку. Стоило развернуть руку наружу — планка падала. Сначала косилась на неё постоянно. Потом Шэнь велела смотреть на палку. Планка упала ещё дважды. Поднимать её пришлось самой, и каждый наклон мешал делать вид, что ошибка совсем небольшая.

Через некоторое время удалось уйти от палки, не задев планку. Свет остался. Выдох получился свободным, без привычного усилия в горле. В конце шага можно было остановиться, не переставляя ногу для равновесия. Хотелось повторить сразу, чтобы закрепить удачу, но Шэнь поменяла угол.

Прежнее движение не подошло. Палка прошла с другой стороны, а локоть ушёл туда, куда научился минутой раньше. Промахнулась уже всем корпусом. Наставница придержала рукоять, не дав потянуть нить из камня, и попросила назвать, на какую ногу теперь опираюсь.

Назвала неверно. Посмотрела вниз, проверила перенос и исправилась. Удивление стало неприятнее первого тычка. Можно было подробно рассказать о проводящих линиях, а понять без взгляда, где сейчас собственный вес, не получалось.

Шэнь позвала ученицу, которую видела у дорожки. Та назвалась Ольгой, взяла вторую палку и спросила, с какой стороны начинать. Наставница велела ей выбрать свой темп, а мне — не пытаться угадать его заранее. Подготовилась к знакомому вдоху. Ольга пошла на выдохе, короче и быстрее. Палка мягко упёрлась в рукав.

Сказала, что она иначе держит плечо. Ольга посмотрела на свою руку, потом на Шэнь. Наставница предложила проверить, не изменилось ли из-за этого положение моих ног. Ноги остались прежними. Отвечать оказалось нечего; пришлось снова начинать медленно.

После нескольких повторов Ольга перестала доводить палку до локтя и стала останавливаться чуть раньше. На втором таком движении сама почувствовала, где выхожу за предел рукояти. Вернула руку ближе, сдвинула ступню. Конец палки прошёл мимо. Ольга кивнула и повторила с другой стороны.

Ольга могла задержаться лишь ненадолго. У неё была работа в мастерской, и Шэнь не стала продлевать занятие. Отвела нас к низкому столу, на котором лежали две маленькие опоры. Для Раздельного круга палки убрали. Каждой досталась своя проводящая рукоять и отдельный камень.

Задача поначалу понравилась. Умела соединять опоры нитями, удерживая собственный ход по учебным схемам. Ольга подала короткий отклик, оставила его постоянным. Провела свой рядом. На общей перемычке появился свет, оба камня сохранили прежнюю яркость.

Шэнь попросила Ольгу изменить ритм. Поток соседки замедлился. По привычке выровняла свой вслед, чтобы перемычку не тянуло. Второй камень стал ярче, мой потускнел. Ольга разомкнула соединение и ждала, пока восстановлю исходное положение.

Спросила, почему не следует поддержать ослабевший поток. В обычном чтении это помогло бы удержать вход. Шэнь ответила, что здесь нужно сохранить две самостоятельные работы. Ольга не теряла силу и не просила поддержки. Шэнь показала соседний камень: без моего вмешательства тот горел устойчиво.

На второй пробе старалась смотреть только на свой свет. Перемычка дрогнула, но нить не бросила вслед за ней. Ольга сдвинула рукоять. Подала ответ, оставив опору на месте. Несколько мгновений всё держалось. Потом рука снова подстроилась, и пришлось начать сначала.

Мирон заметил ошибку раньше меня. Сказал, что кисть опять пошла за чужим выдохом. Хотелось возразить, но пальцы действительно уже двигались. Он приподнялся со скамьи, собираясь показать направление, и Шэнь подняла палку перед ним.

— Со своего места. Пусть сама остановит руку.

Мирон сел. Добавил, что если убрать локоть ближе к корпусу, перемычка не потянет опору. Наставница предложила ему пока заняться собственной границей. Придвинула к правой руке жёлоб с деревянным шариком и попросила изменить его ход, не захватывая второй конец стола.

Первый раз шарик прошёл как нужно. На втором Мирон расширил поле на весь жёлоб. Лицо изменилось, левая кисть дёрнулась на перевязи. Шэнь остановила упражнение и вернула шарик к середине. Попросила работать правой стороной, в отмеченном участке.

Пока Мирон повторял, вернулась к Ольге. Удержать собственный ход на этот раз получилось дольше. Хотелось посмотреть, заметил ли он, но взгляд отвлекал от камня. Когда свет начал уходить в сторону, остановила пробу сама. Ольга разомкнула свою часть и потёрла пальцы.

Шэнь разрешила отдохнуть. Ноги гудели сильнее руки. Стоило сесть на скамью, как захотелось попросить провести остаток обучения сидя. Наставница тем временем отметила время следующего занятия и велела до него повторять только медленное движение. Разгонять шаг, пока не могу остановиться в конце, не позволила.

Мирон подвинул ко мне воду. Взяла чашку левой рукой, чтобы не растягивать ожог, и посмотрела на дорожку. На песке сохранились обе первые черты. В начале занятия считала,

что понадобится всего лишь научиться быстрее отступать. Теперь хотелось хотя бы ставить ногу туда, куда собиралась.

В лекарской мастерской Серафима уже расставила две школьные опоры, оплаченные на сегодняшнюю пробу. Мирона усадили, не освобождая руку из перевязи. Между нами лежали рисунок повреждённой ветви и обычный переносной камень: к нему вернут соединение, если не удержим свои круги. Шэнь вошла следом и велела начинать с самого короткого расстояния.

Нина отметила исходный отклик. Серафима отвела общий камень к краю стола, и в привычном ходе удалось различить две отдельные ветви. От неожиданности подняла глаза. Мирон посмотрел на правую руку и медленно разжал пальцы.

Мне предложили отойти к открытому дверному проёму. Малую опору держала на ладони, локоть старалась не выдвигать. На первом шаге ничего не изменилось. На втором захотелось проверить взглядом Мирона. Он сидел там же, лицом к окну, и не двигался. Между нами оставался весь стол.

У порога не ощущалось натяжения общей ветви. Вспомнилась комната через двор. Спросила, можно ли пройти дальше. Серафима велела пока подержать положение. Нина считала время, следя за пластиной.

Мирон осторожно поправил левый локоть правой рукой. Выдохнул длиннее, пережидая неприятное ощущение. Вслед за ним удлинила собственный выдох. Под ладонью опора потеплела. Сперва попыталась выровнять её привычным ответом — и второй ход потянулся к первому. На пластине вспыхнула общая дуга.

Нина позвала Серафиму ещё до того, как появилась боль. Лекарь вернула средний камень на место, Шэнь подставила ладонь под мою опору. Свой круг удалось остановить без рывка. Серафима показала, куда поставить камень, и попросила сесть. На запястьях не прибавилось ни ожога, ни новой линии.

Пока смотрела на Мирона, подстроила ход под его дыхание. В учебной паре делала то же. Здесь хотелось помочь переждать боль. Объяснила это вслух. Серафима напомнила, что плечом в этой комнате занимается она.

Шэнь разрешила повторить после отдыха. На этот раз попросила Мирона не менять положения, а мне велела смотреть на собственную ладонь. Несколько спокойных вдохов оба круга оставались раздельными. Потом пальцы начали уставать. Остановила пробу прежде, чем потянуло к общему ходу. Нина отметила время: получилось дольше первого раза.

Во сне руку и дыхание не удержишь постоянным вниманием. Шэнь назначила ещё упражнение с Ольгой, Серафима попросила не переносить кровать снова. Хотелось спорить о том, сколько не хватает до самостоятельной ночёвки. Пальцы на колене подрагивали.

Пока отдыхали, Мирон занялся креплением рамы у открытой двери мастерской. Ольга придерживала планку, он сидя выправлял держатель правой рукой. Серафима следила, чтобы не включал поле вместо инструмента. Планка легла прямо, и ученица убрала руку.

Шэнь проверила раму под малой нагрузкой и попросила мастера осмотреть крепление перед следующим занятием. Мирон отложил инструмент. Выглядел уставшим, но не пытался убедить лекаря, что плечо совсем не мешает.

Мастер подошёл с плоским металлическим прямоугольником. Серафима попросила показать его мне. По краю шли мелкие насечки, внутри темнел рисунок угла и короткой перемычки. Пластина помещалась на ладони. Мастер положил её возле отдельной опоры и провёл по кромке деревянной палочкой.

На металле проступил отклик небольшого прохода. Повернулась к двери мастерской: тот же угол, тот же излом у порога. Здесь разметка удерживалась на подготовленной пластине. Живого носителя рядом с ней не было. Придвинулась ближе и спросила, можно ли так закрепить участок карты.

Мастер ответил, что на пластине был закреплён заранее обследованный короткий проход. Для живой ветви нужны точная схема и независимый круг, который примет её без разрыва. Если убрать человека раньше, металл останется металлом, а повреждение — у носителя.

Серафима положила рядом наш рисунок. Знали только аварийный участок и несколько точек отклика. Часть карты скрывалась под удержанием Мирона. По такому листу мастер не взялся бы её переносить.

Посмотрела на повязку Мирона и закрыла тетрадь. Серафима договорилась взять пластину для сравнения. Мастер завернул её в ткань и передал с описанием подготовленного прохода.

Две малые опоры девушка из школы убрала в шкаф. Нина сохранила показания обеих проб. Перед уходом Шэнь спросила, что буду повторять дома. Показала медленный перенос и остановилась с локтем возле корпуса. Она поправила носок туфли, затем разрешила идти. На дорожку больше не вернулась: на сегодня ногам хватало.

В экипаже веер упирался через сумку в бок. Достала его, попробовала раскрыть: скоба двигалась вместе с ребром. Мирон заметил, попросил показать. Передала и сразу принялась объяснять, что он служебный и палку им останавливать не собиралась. Мирон повернул скобу ногтем, проверил резьбу и вернул: винт можно подтянуть, но рамку придётся придержать с другой стороны.

В старом крыле первым делом сняла туфли. На пятках остались красные полосы от непривычного движения. Хотелось лечь и до ужина не слышать слова «локоть». Всё же достала тетрадь, чтобы записать упражнения, пока помню. Мирон уже опустился на свою постель, положив раненую руку на подушку.

Лампы и прежде стояли отдельно, но мой свет проходил через ближайшую створку ширмы ему в лицо. Авдотья принесла плотный боковой колпачок и переставила лампу, повернув прорезь к столу. Со стороны соседней кровати осталось видно только тёплое пятно на ткани. Мирон прикрыл глаза и попросил так оставить.

Сама села проверить записи. До лампы можно было дотянуться, не вставая с кровати, а столик теперь помещался перед ней. Несколько минут записывала, как ставить ступни. За ширмой было тихо. Перо не приходилось откладывать каждый раз, когда хотелось убедиться, что не мешаю ему уснуть.

Веер положила раскрытым на колени. Одно ребро сместилось вместе со скобой, но дерево осталось целым. Сдвинула его обратно, придержала ось пальцами. Закрутить винт той же рукой не получилось. Мирон услышал щелчок и спросил из-за ширмы, что там происходит.

Попросила помочь с рамкой. Он постучал по стойке, дождался ответа и пересел к столу. Пока правой рукой удерживал обе стороны крепления, повернула винт ребром монеты. Скоба села на место. Раскрыла веер, закрыла и провела по рёбрам короткую нить. Рабочий ход держался без дрожи.

Мирон убрал руку. Веер оказался тяжелее учебной рукояти, зато пальцы знали, как его держать. Неожиданно захотелось проверить шаг именно с ним. Места между ширмой и умывальной скамейкой оставалось немного; для медленного переноса должно было хватить.

Поднялась, поставила ступни, выдохнула. Локоть убрала как надо. Свободный рукав зацепился за боковую ручку таза. Металл звякнул, вода качнулась. Удержала таз левой рукой и замерла, согнувшись над скамейкой.

Засмеялась раньше, чем успела огорчиться. Мирон смотрел на рукав, всё ещё висевший на ручке. Отцепила ткань и села на край кровати, не выпуская веера. Для следующей попытки поставила таз дальше и подвернула манжету.

Шаг без нити вышел лучше. Потом повторила с коротким ходом между рёбрами. Камень для проверки положила на стол: свет остался. На вторую сторону сил уже не хватало, нога

начинала подрагивать. Сложила веер и вернулась к записям. Мирон к тому времени снова устроился за ширмой.

Нина пришла после вечернего приёма Серафимы. Пластину лекарь оставила у себя; помощница принесла только измерения и папку с копиями. Сверху лежал лист независимого писца. Под ним — свежая выписка из зеркальной службы с номером моего свидетельства.

У внешнего писца сохранился мой рассказ о Шёлковом проезде, с отметкой о приёме. В зеркальной выписке он теперь значился приложением; основным сообщением стал пересказ надзора. В нём Мирон по-прежнему мешал сопровождению. Прежних оттисков не прислали. Нина разложила оба листа рядом: номер дела совпадал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.